РОМАН СЕНЧИН

КВАРТИРАНТКА С ДВУМЯ ДЕТЬМИ (СБОРНИК)

Литрес

Роман Сенчин

Квартирантка с двумя детьми (сборник)

«Автор»
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

Сенчин Р. В.

Квартирантка с двумя детьми (сборник) / Р. В. Сенчин — «Автор», 2018

ISBN 978-5-04-096919-7

В новом сборнике известный писатель-реалист Роман Сенчин открывается с неожиданной стороны – в книгу включены несколько сюрреалистических рассказов, герои которых путешествуют по времени, перевоплощаются в исторических личностей, проваливаются в собственные фантазии. В остальном же все привычно – Оля ждет из тюрьмы мужа Сережу и беременеет от Вити, писатель Гущин везет благотворительную помощь голодающему Донбассу, талантливый музыкант обреченно спивается, а у Зои Сергеевны из палисадника воруют елку. Среди героев и прототипов – Аркадий Северный, Майк Науменко, Захар Прилепин.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-096919-7

© Сенчин Р. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Аркаша 6
Возвращения 18
Приближаются сумерки 25
Шанс 34
Банальщина 41
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Роман Валерьевич Сенчин
Квартирантка с двумя детьми
Сборник рассказов

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сенчин Р., 2018
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Аркаша

Свободное время они тогда проводили так: шлялись по Невскому и окрестностям и рифмованно обстебывали все на свете. Даже недавно выпрыгнувшего с пятнадцатого этажа в Нью-Йорке Донни Хатауэя – «Хатауэй не нашёл дверей». Жалости к нему не было – тридцать три года, до которых дожил Донни, казались им неприличной старостью для музыканта…

В тот день устали так, что ноги подгибались и до тошноты хотелось есть. В горле першило от ржания. И нужно было выпить портвейна, в тепле, под горячую закуску. Решили завернуть в чебуречную на Майорова.

На первом этаже был бар и, как всегда, играла музыка. Поднялись на второй.

– О, привет, Жора! – увидел Михаил сидящего за столом в одиночестве чувака с длинными волосами и грустным узким лицом. Перед ним тарелка с чебуреками и ополовиненный стакан. И ещё блокнот и ручка.

Чувак шевельнул губами – типа улыбнулся. Привстал и снова сел.

– Вы знакомы? – Михаил оглянулся на пришедших с ним. – Андрюша, Витя… А это Георгий из «Россиян».

Андрюша и Витя по очереди пожали руку Георгию, но представились иначе. Первый, плотненький, невысокий, сказал – «Свинья», а второй, узкоглазый и тощий, – «Цой».

– Жора, мы к тебе приземлимся? – спросил Михаил.

– Ради бога…

Взяли по порции чебуреков по-ленинградски с соусом и две бутылки «Кавказа».

Жора сидел и смотрел в блокнот. Его чебуреки оставались нетронутыми, а вина в стакане слегка уменьшилось.

– О чем призадумался?

– Так… – Жора перевернул блокнот исписанной страницей вниз, взялся было за чебурек, но не выдержал и сказал тихо, как-то вскользь, словно пытаясь сделать вид, что не он выдал такую важную тайну: – У нас запись завтра.

Михаил перестал жевать, изумленно смотрел на длинноволосого.

– Гонишь.

Жора не ответил, и Михаил понял, что это правда.

– А можно с вами? Посмотреть, как вообще происходит… Жор, пожалуйста?

– Ну, я не знаю. Не я там главный… – И Жора с неохотой, с усилием, но разговорился: – В красном уголке каком-то. Ещё и, понимаешь, не наша команда только, а с этим… Аркаше какому-то будем подыгрывать. Блатарь, не наша зона вообще…

Михаила снова парализовало изумление. Некоторое время он глядел на Жору круглыми глазами, беззвучно приоткрывая рот. Потом выдавил:

– Аркадий Северный?

– Вроде Северный… А ты его знаешь?

– Слышал плёнки… И вы с ним?

– Ну, песен пять своих споём – вот выбираю, какие будем… А потом ему, хм, аккомпанировать… Сегодня только договорились, а завтра запись. Но надо. Материала на три альбома, а ни одной записи студийной до сих пор…

– Жор, возьми побыть. Мы тихо себя вести будем.

– Вы? – Жора с брезгливостью посмотрел на жадно евших и пивших вино Андрея и Витю, которые, казалось, и не слышали разговор.

– Ну да. Они тоже музыканты. Нормальные чуваки. Пусть учатся.

Жора допил вино. Порция из четырёх чебуреков по-прежнему была цела – совсем, наверное, остыла…

– Хорошо, – решился. – Только, Майк, если там начнут выгонять эти, которые с Аркашей, вы не лезьте. Я не решаю… Вообще как-то мутно всё…

– Ладно, ладно, – кивал Михаил. – Адрес черкни.

Жора вырвал лист и написал адрес.

– Не позже двенадцати.

Михаил кивнул и стал наливать ему вина.

– Не надо. Мне хватит. Завтра нужно в нормальном состоянии быть.

– Правильно.

Посидев ещё минуту, Жора поднялся и, подхватив блокнот, не попрощавшись, вышел из зала… Его остывшие чебуреки Андрей и Витя поделили между собой.

С трудом нашли точку. Она находилась на проспекте Энергетиков, где дома похожи один на другой. Огромные, серые.

Это был действительно жэковский красный уголок на первом этаже. Крошечная сценка со столом, справа от которого стояла фанерная трибуна, у стены – пианино. Традиционный для таких мест «Красный Октябрь». Напротив стола и трибуны – три ряда сидений, скрепленных рейками по четыре. На стенах висели стенды с какой-то поучительной ерундой.

– Ну вы и нарядились! – хмыкнул Жора, взглянув на Андрея с Витей. – Как на концерт пришли.

– Для нас каждый прожитый день – концерт, – довольно задиристо ответил Витя, выпятив нижнюю челюсть, и тут же смутился, отвёл от Жоры глаза.

Андрей тоже хотел что-то сказануть, но Михаил, остававшийся в том же пальтишке, что и вчера, опередил:

– Сядем назад. Мешать не будем, как обещали.

Кроме Жоры в красном уголке находились ещё четверо парней лет двадцати пяти. Длинноволосые, у двоих усы, у одного – бородка. Собирали ударную установку, подстраивали инструменты. На пришедших не обратили никакого внимания. Был и ещё человек, плотненький, невысокий, довольно взрослый. Он посмотрел на пришедших с подозрением и тихо что-то спросил у Жоры. Жора так же тихо ответил, и человек, пожав плечами – мол, дело ваше, – уселся в первом ряду.

– Гля, басуха реальная! – тихо воскликнул Витя.

Андрей хлопнул его по плечу:

– Ну и у тебя скоро будет, ты говорил.

– Копим по копейкам… Сами ведь каждый день: Витя, давай твой рубль, давай рубль…

– Инструмент, – сказал Михаил, – это главное. Сначала инструмент, а потом портвейн.

– Кто б говорил, – вздохнул Витя.

Парни на сцене, кажется, закончили подготовку. Барабанщик прошёлся по своим тарелкам, бонгам и бочке, спросил недовольно взрослого человека:

– Ну что, где аппарат? Уже четверть первого.

– Едут, – уверенно сказал тот, а потом не так уверенно: – Наверное, подъезжают.

– А как вообще построим процесс? – заговорил Жора, до того самоуглублённо трогавший медиатором струны своей сказочной «мусимы». – Что это будет? Мы своё играем или подыгрываем этому вашему…

– Ребятки-ребятки, – выставил руки человек, – сейчас приедет Рудик, он объяснит. Я тут так – дверь открыть, закрыть, проследить, чтоб пожара не было.

– Понятно. – Грустный обыкновенно Жора беззлобно засмеялся. И стал наигрывать на неподключенной гитаре риффы. К нему присоединился сначала бас, потом – тихо-тихо – ударные, скрипка, закапало клавишами третьей октавы пианино. Получился такой хард-рок шёпо-

том. Прекрасный и жутковатый саунд. Кажется, все ожидали, что Жора вот-вот запоет, но он не запел. И от этого прекрасная жутковатость только усилилась.

В коридоре хлопнула дверь, послышались шаги. Потом дверь хлопнула ещё раз, раздалось: «Да держи её!», – и в красный уголок вошёл темноволосый, слегка кучерявый мужчина в громоздких очках, а за ним – невысокий, щупленький, чернявый, в расстёгнутом пиджаке и при галстуке, с накинутым на плечи пальто. Левая рука была в гипсе и висела на бинте.

– Эт что, – хихикнул Андрей, – Юрий Никулин, что ли, из «Бриллиантовой руки»?

– Это, – голос Михаила стал строгим, как у учителя, – Аркадий.

– Этот, который блатарь?

– Тихо… Сидим и смотрим.

– Здорово, парни! – обратился к музыкантам на сцене мужчина в очках. – Готовы?

– Мы-то готовы…

– А мы тоже через пять минут.

И тут внесли пульт, громоздкий магнитофон, штативы, чемодан, из которого без промедлений, с какой-то автоматической отточенностью вынули микрофоны и стали устанавливать возле барабанов пианино. Летели разматывающиеся в воздухе шнуры, вонзались в розетки вилки… Это напоминало работу бригады электриков. Настоящих, а не из жэка…

Во время этой круговерти чернявый с загипсованной рукой юркнул под трибуну и через минуту вынырнул без пальто и с порозовевшим лицом.

– Стол сюда, – командовал один из электриков, – пульт сюда.

– Итак, – заговорил мужчина в очках, – объясняю положение дел. Мы хотим записать концерт Аркаши, – он указал на чернявого, – в сопровождении настоящей рок-музыки. Я слушал вас – вы настоящая музыка рок. Предлагаю такой сценарий. Сначала вы исполняете две-три свои песни…

– Пять, – с каменной твёрдостью сказал Жора, и мужчина, секунду подумав, ответил:

– Четыре. Четыре песни. А потом приходит Аркаша, и вы играете с ним.

– А что мы будем играть? В каком стиле? Надо порепетировать.

– Рэпетируют те, кто нэ умэет играть, – сказал чернявый; сказал вроде бы тихо, но слова ударились в стены, и стены словно завибрировали.

– Определимся по ходу, – добавил мужчина в очках, кивнул электрикам: – Ну как, готово?

Человек за пультом – «восьмиканальник», определил Михаил – стал давать команды музыкантам, выстраивая звук. Это продолжалось минут десять. Второй человек, за магнитофоном, вынул из картонного футляра огромную бобину, вставил её в штырь, провёл ленту через лентопротяжный механизм, вдел в зажим на второй бобине, пустой. Чем-то пощёлкал и поднял руку:

– Готов.

– Поехали! – сказал мужчина в очках, и на магнитофоне щёлкнула клавиша записи, бобины бешено закрутились.

Музыканты переглядывались растерянно.

– Ну что вы?.. Сергей, отбой… Плёнка ведь тратится. У вас есть ведь эта… про мерзость.

– Давайте «Мерзость», – отозвался Жора.

– По команде… Поехали!

Снова щелчок. Жора стал пощипывать струны своей «мусимы», изображая шаги крадущегося существа. А следом ударили барабанщик, басист, вступило пианино, и потёк тяжелый ритм-энд-блюз.

Жора запел:

По улице шла мерзость

И не видна в толпе.
Одета ли по моде?
Одета ли как все?

Текста было мало, но песня длинная, с протяжными проигрышами, гитарными запилами, взрыдами скрипки… Михаил кивал и неслышно постукивал ногой. Андрей и Витя смотрели на музыкантов кривясь – им по вкусу был другой стиль.

– Отлично! – сказал мужчина в очках, когда магнитофон щёлкнул и бобины перестали вращаться. – Поехали дальше.

– Эту надо перепеть, – сказал Жора. – Накосячили.

– Сереж, слухани, как получилось.

Человек за магнитофоном жихнул бобинами. Послушал в наушниках и ответил:

– Акустика не очень, но в целом – пойдёт.

– Можно нам послушать? – встрял басист.

– Потом послушаем, парни… Продолжаем. Про канарейку давайте. Отличная баллада.

– О, канарейка! – встряхнулся развалившийся на сиденье чернявый. – Это тэма моя.

– Аркаш, ты пока отдохни… Пишем?

– Пишем, – как-то затравленно согласился Жора.

На этот раз ритм-энд-блюз был подинамичнее. Скрипка вступила сразу, пианист рассыпал гаммы. Несоответствие жестких электрогитар и скрипки с клавишами скребло, как наждачка, и в то же время завораживало.

Сладко поют канарейки,
Хозяин – любитель пения, —

стал чеканить Жора, —

Нам слушать ваши трели,
Пожалуй, не хватит терпения.
Для них и солнце,
Всего лишь жёлтое пятно
На фоне дня.
Сквозь запотевшее стекло
Напоминает цвет рубля-а…

– Ну как? – шепнул Михаил, когда песня кончилась.

– Это уже получше, – с видом предельного сноба покачал головой Андрей.

– А вы что, никогда «Россиян» не слышали?

– Может, и слышали. Но это не то, на что надо равняться.

– Равняться надо на мавзолей, – сострил Витя и снова смутился.

Четыре песни записали с первого раза. Видно было, что музыканты много раз их играли, знали свои партии до последнего аккорда.

– Так, – похлопал в ладоши мужчина в очках. – А теперь мы сделаем вот что: вы играете следующую песню, но она не идёт. И тут скрипит дверь, и входит Аркаша… Аркаша, ты где?

– Здэсь Аркаша. – И он выскочил из-за трибуны с ещё более раскрасневшимся лицом; за ним следом – пианист.

– Аркаша, мы ж договаривались, – в голосе очкастого послышались досада и раздражение. – После записи выпьем.

– Для Аркаши, Рудик, пэть и пить – синонимы!

– Майк, чего он так понтуется? – спросил тихо Витя. Михаил пожал плечами:

– Одессит.

Человек в очках, которого, как оказалось, звали Рудик, быстро успокоился и продолжил:

– Вы играете, но не клеится. И тут входит Аркаша… Нужно придумать небольшой диалог. Он говорит типа того, что: а вот давайте я вам покажу, как надо. И вы даёте стране угля… Аркаша, что ты будешь исполнять первым номером?

Аркаша вроде как призадумался, но через мгновение вздёрнул брови:

– А мы в Лэнингрэде? Я тэк понимаю? Нэ ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – хмыкнул Андрей.

– Тэк сам бох велэл пэт про Лэнингрэд! Вот эту… – Стал постукивать ногой по сцене, отбивая ритм, и запел уже без всякого одесского выговора, но на мотив, напоминающий «Мурку» или что-то из её разряда: – Над моим городом луна сегодня светит…

Музыканты попытались подобрать мелодию.

– Давайте блатное спрячем, – остановившись, сказал Жора. – Пусть это будет такой усталый марш. – И сыграл пару тактов.

– Я не против, – сказал Рудик. – А ты как, Аркаша?

– Можно попробовать. Будэт капля блата и вэдро лирыки!

Сыграли один куплет – кое-что получилось.

– Так, а теперь репризу, – руководил Рудик. – Ну, диалог.

Тут пришлось поломать голову…

– А у вас есть враги? – спросил Аркаша музыкантов.

– В смысле?

– Враги, конкурэнты?

– Да нет…

– «Земляне», – вспомнил барабанщик. – Они у нас песню украли и поют теперь на концертах своих.

– А вам это нэ нравится?

– Ну да…

Аркаша стал быстро ходить по сцене, соображая. Качал висящую руку.

– Давайте тэк… Вы играете, и тут прихожу я. Ты, – кивнул на Жору, – говоришь: кто нам мешает? Я говорю: Я – Аркаша Северный. Здэсь рэпетирует всемирно известный ансамбль «Земляне»? А ты говоришь: нет, мы «Россияне». Я говорю: о, вас-то я и ищу. И мы – бахаем. А, как?

Жора флегматично пожал плечами:

– Ну давайте… Только я скажу: мы не «Земляне», мы одна восьмая часть – мы «Россияне».

– Так дажэ лучше! Погнали!

Но ни с первого, ни со второго раза этот диалог записать не получилось. То скрип якобы двери – для этого гнули микрофон – был слишком сильный, то Жора сбивался, то Аркаша. Наконец звуковик остался доволен, и зазвучал усталый марш, потом густой, с хрипотцой баритон:

Над моим городом луна сегодня светит,
Видны, как днём, ладони старых площадей.
И я иду, меня никто, никто не встретит,
А лунный свет заставил вспомнить вновь о ней.

Луна Исакий будто вновь позолотила,
В волшебном свете разведённые мосты.

Прошли года, пускай она меня забыла,
Но этот город – совершенство красоты.

– Прох-ходочку! – крикнул Аркаша, и пианист, будто они заранее договорились, выдал пронизывающее душу соло.

В сиянье золота на Аничковом кони,
Блистает золотом Суворов над Невой,
И как живые, стали юноши Фальконе,
А тень Фальконе будто следует за мной…

После этой песни дело пошло живее. Аркаша в общих словах объяснял музыкантам, как и что играть, махал здоровой рукой человеку за магнитофоном:

– Включай, Серый!.. Перенесёмся в Москву. Песня про печаль.

Ночь тьмой окутала
Бульвары и парки Москвы,
А из Сокольников
Пьяненький тащишься ты.
Денег нет. Мыслей нет.
Машины уносятся вдаль.
И, как всегда, со мной
Пьяненькая печаль…
Пьяненькая печа-аль,
Пьяненькая печа-аль…

– А теперь очень грустная песня про несчастных, но коварных женщин, которых немало в наших больших городах… «Бомжихи».

Эх, у вокзала шляются бомжихи,
Жаждущие выпить и поспать,
Голосом охрипшим очень тихо
Предлагают время скоротать…

– А слэдующей пэсней, – Аркаша вновь переходил на одесский говорок, – хочу вспомнить своего парижского друга Алешу Димитриевича. Поехали, «Рэссияне»!

А я милого узнаю а по походке,
Он носит, носит брюки галифэ,
А шляпу он носит он панаму,
Ботиночки он носит а нариман.
А шляпу он носит он панаму,
Ботиночки он носит нариман…

– Песня о конце гражданской войны!

Четвертые сутки пылают станицы,
Потеет дождями донская земля.
Не падайте духом, поручик Голицын,

Корнет Оболенский, налейте вина.

А где-то лишь рядом проносятся тройки,
Увы, не понять нам загадочных лет, —

по лицу Аркаши скользнуло замешательство, словно он забыл слова, но вступил со следующей строкой вовремя:

Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Когда песня закончилась, мужчина в очках заметил:

– Так и не хочешь комиссаров вставлять. А такой ведь образ: «А в комнатах наших сидят комиссары, и девочек наших ведут в кабинет».

– Не лежит душа, Рудик. Но вот не лежит, и все. Не могу про комиссаров петь.

– А так не в рифму получается.

– Шо ж… Следующая песня…

Раза три Аркаша успевал нырять под трибуну. Прихватывал с собой и пианиста.

– Олег, – хлопал его по плечу, – ты отлично чувствуешь мой стиль. Специально учился?

– Да я в «Кронверке» играл.

– О, хорошая школа! Продолжаем?.. А теперь песня про пагубную зависимость под названием «Аналша»…

Опьянение Аркаши, которое проявилось в том, что голос его стал напоминать покрикивания алкашей у павильона, совпало с окончанием плёнки.

– Всё, – объявил человек за магнитофоном. – Генуг.

– Ну и ладненько.

Музыканты, Рудик столпились возле магнитофона и стали слушать куски записи, а Аркаша забрал из-под трибуны пальто и недопитую бутылку вина и спустился к Михаилу, Андрею и Вите.

– А вы кем будете, молодые люди?

– Музыканты.

– Это понятнэнько. А так? – Прищурился. – На стиляг вроде не похожи, и на хиппи…

– Мы – панки, – гордо сказал Андрей.

– М, не слыхал про такое… А звать вас как?

– Майк.

– Свинья.

– Цой.

– Цой? Не вьетнамец, случаем?

У Вити зашевелились скулы. Он ненавидел, когда его называли японцем, китайцем. Теперь вот во вьетнамцы пытаются записать.

– Я не в обиду, – заметил Аркаша его реакцию. – Дело в том, – он понизил голос, – что я воевал во Вьетнаме. В небе Вьетнама. Бил американскую военщину с вэртолету!..

– Да? – Михаил усмехнулся. – Мой папа тоже был во Вьетнаме. Не воевал, правда, в командировке. Он архитектор.

– Ясненько. – И Аркаша перевел разговор на другую тему: – А что это за панки такие?

– Хм, – Андрей потер переносицу, – придурки круглые. Но с идеей.

– Сейчас все лучшие люди идут в панки, – добавил Витя.

– И что ж за идея?

– Свобода, анархия…

– Хорошая идея, молодцы. В моем репертуэре про стиляг есть. Слыхали про таких?.. Каждый должен быть вызывающе одетым, тот плебей, кто не носит узких брюк. У меня пиджак каучукового цвета и на толстых подошвах каучук, о-хо!..

– А вы сами песни пишете? – спросил Майк.

– Да как сказать… Народ пишет, ребятки. Народ. А я пою… Я, – голос стал трезвее, – под одной песней только могу подписаться. Про жену… бывшую жену. И про дочку. – И Аркаша напел: – Здравствуй, чужая милая, радость мечты моей. Как бы тебя любил бы я до самых последних дней… Нет, нельзя её сейчас… В другом надо состоянии. – И протянул бутылку ребятам: – Вздрогните.

– Да у нас есть вообще-то, – Михаил вынул из-под пальто бутылку портвейна. – Мы просто… ну, опасались во время записи.

– А-а, – отмахнулся Аркаша, снова став разбитным и пьяным, – алкоголь – это наша жизнь. Живая вода. Пэйте!

Посмотрел, как Михаил откупоривает бутылку, как они гонят по кругу, делая по два-три жадных глотка, и сказал:

– Но это до момента.

– В каком смысле? – напряг брови Витя.

– Потом оно, – Аркаша болтнул бутылкой, – всё остальное заполняет. Без него – никуда. Не поётся, не живётся. Но эт не сразу. Есть период, когда совмещается… – Он присел и отпил из своей бутылки. – Я вот умру скоро. Отходил по свету. На десять лет больше ходил, чем Серёжа… Серёжа Есенин… Слыхали о таком? Ты меня не любишь, не жалеешь… Ох-х… – Потёр лицо всей пятерней, узкой, нерабочей. – Вот выпил-то всего ничего, и в уматину. А раньше литруху водяры мог всандалить и только жить начинал. Себя чувствовать. А теперь – вот. – Развёл в стороны руки, выпятил узкую, тощую грудь. И пузыря винищева – с покрышкой… Обидно. У нас в Иваново таких не любили…

– Где? – спросил Майк.

– В Иваново. В городе Иваново.

– А вы не из Одессы, что ли?

– Бывал-бывал. Бывал в Одессе. Даже по морде от любимого человека получал. Несправедливо, считаю. Ни за что. Обидел он меня… Но сам я из Иваново. Город такой в России. Только это, – вдруг словно вспомнив о чём-то важном, Аркаша прижал палец к губам. – Это – тайна пока. Умру, тогда уж… И, – он глотнул ещё вина, – и во Вьетнаме я не был. Вертолётчиком – был. Штурман! Честно! Лейтенант запаса!.. Братья-офицеры вот руку сломали. По ошибке. С другим спутали… А я-то… Я так… Если честно, ребятки, то я был обыкновенным, таким, как все. Был такой, как все. – И он поморщился; Михаил повторил гримасу, неосознанно запоминая это движение лица, эти слова. – Учился, работал, женился, дочка родилась… Дочка – это святое, конечно. Жена запрещает с ней видеться. Спасибо тёще. Тёща у меня золотая. Тёща меня понимает… Понимает, что не могу я, как все… Возле детского садика с дочкой вижусь. А теперь возле школы уже. Время-то летит. – И Аркаша коротко напел, пустив одесскость: – Годы мчатся, годы мчатся бэз возврата… – Но остановился, помял лицо ладонью и снова стал щуплым простым мужичком. – Тёща её заберет пораньше… меня-то они тоже, воспитки, училки, близко не подпускают… приведёт на лавочку, и мы сидим с дочкой. Конфет покупаю, смотрю на неё… Но разве это ей надо… да и мне… Но не вернуть… Потом, может, поймёт, когда вырастет.

Аркаша отхлебнул ещё из бутылки, громко и смачно; Михаил, Витя и Андрей тоже прогнали свою.

– Вы вот музыканты, говорите?.. Если серьезные – хреново вам будет. Готовьтесь. Ни семьи путной, ни дома надежного, да и петь будете по углам. Как вот сейчас, – кивнул он

назад, в сторону сцены. – Вы ж не Кобзоны, вам Кремлевский дворец не откроют. Хе-хе. А я вот без паспорта, без квартиры, семьи, мля… Сегодня ворам пою, завтра членам политбюро, хоккеистам нашим, чемпионам… Нальют, покормят, спать положут на диванчик. Жизнь!

И Аркаша захохотал хрипло и зло, обнажив искрошенные, с дуплами зубы. Он был совсем пьяный и сразу сделался таким отвратительным, что парни, любившие показывать себя как можно хуже, называвшие себя «звери», поёжились и отвели взгляд.

– Чего? Не нравлюсь? – заметил Аркаша. – А ведь был таким – не выделялся. Утром на работу, вечером – с работы. Ужин с женой, «Международная панорама»… Но не мог я так… Повело меня… упирался… и всё равно… Заплутали мишки, заплута-али, заблудились в паутине ули-иц… Могу спастись, в Иваново, домой уехать. Мать у меня там, братья есть… А зачем? Не хочу просто жить… тихо-мирно. Допою и подохну здесь где-нибудь, среди камней… как Сережа.

– А вы правда с Алешей Димитриевичем дружите? – перебил его Михаил.

Аркаша скривил лицо:

– Гоню я, чуваки… Не дружу. И не видел никогда… Просто… Просто скучно жить вот так вот – просто. Вот и сочиняю… Хотел бы дружить, спеть с ним, посидеть… А – вот… – Он снова развёл руками, и та что в гипсе, тупо ударилась о спинку сиденья. – Лучше сочинять, чем с тоски повеситься. – И перешёл на одесский говорок: – Нэ прэвдэ ли, гэспода?

– Ну всё, – громко сказал человек по имени Рудик. – Всем спасибо. Мы посидим ещё с пленкой, почистим, а потом передадим вам копию… Аркаша, по коням!

Тот, хоть и шатаясь, как деревце в бурю, послушно поднялся, побрёл к выходу. Михаил, Витя и Андрей тоже пошли на улицу – очень хотелось курить.

Понаблюдали, как поскуливающего, пускающего слюни Аркашу запихивают в «жигуль», и направились к автобусной остановке. Прощаться, базарить с ребятами из «Россиян» не хотелось… Михаил не так представлял себе запись в студии. Да и Аркадия тоже – не таким. Конечно, чувствовал по манере пения, что он не прочь выпить, наверняка прикинут не в ширпотреб, может, и с кольцами на пальцах, но реальный Аркадий – Аркаша – его словно пришиб к земле.

Напился быстро и как-то тупо, одет хоть и в костюм, при галстуке, но от этого казался ещё ничтожней, что ли, комичней. Вместо колец – гипс, обернутый грязным бинтом… И эти его признания… Хотелось забыть, но мозг, как назло, прокручивал то, что было в красном уголке, что говорил Аркаша…

– А я не испугаюсь про комиссара петь! – сказал Андрей.

– Ты о чём?

– Ну, этот испугался, а я не испугаюсь. Такое что-нибудь: пуля пролетела, в грудь попала мне, но спасуся я на лихом коне… – Андрей замялся, вроде как подбирая слова. – Но шашкою меня комиссар достал, кровью исходя, на коня я пал… А? Потянет?

Михаил остановился:

– Это ты сочинил? Сейчас прямо?

– Ну. – Круглое, полное лицо Андрея-Свиньи стало ещё полнее из-за улыбки. – Будем считать, народ сочинил… Но я, – голос его стал строгим, – буду это петь.

– А мне про анашу запало, – вставил Витя. – Анаша, анаша, до чего ты хороша… Включу в свой репертуар.

– Все, пошли, – сказал Михаил. – Холодно.

Ему хотелось в родной центр – на Невский, Жуковского, Владимирский…

– Ну так согреемся. – Андрей вытащил из своего модного до неприличия, просторного плаща бутылку портвейна с заранее срезанной пластмассовой пробкой.

Сделали по нескольку хороших глотков сладкого и слегка обжигающего, и Михаил, сам не ожидая от себя, сказал:

– А ведь он прав – Аркадий.

– В чем этот соловей ощипанный может быть прав?

– Андрюша, не оскорбляй людей. Оскорбляй себя… Кстати, назовись Свином: Свинья – это женского рода… Прав он – не слишком весёлая нас жизнь ждёт, если мы по этому пути пойдём.

– По пути алкоголизма? – усмехнулся Витя.

– Музыки честной… А ведь мы пойдём?

Андрей поднял бутылку над головой:

– Вперёд, к победе панк-рока!

Через год с небольшим Михаил, для многих в городе успевший стать Майком, начал работать над своим первым альбомом. Готовился долго и тщательно. Узнал, что в театре кукол главный режиссер, Виктор Борисович, большой демократ и разрешает по ночам использовать студию для записи бардов.

Устроился техником-радистом, познакомился со звукорежиссерами, постепенно стал напевать им свои песни, и в конце концов один из них, Игорёк, спросил:

– А у тебя плёнка есть?

– Что? – Майк сделал вид, что не понимает. – Какая плёнка? – И осторожно отложил гитару.

Игорёк недоуменно округлил глаза:

– Ну как, плёнка с твоими песнями!

– Да откуда. Это ведь, говорят, надо аппаратуру, микрофон… – Он изо всех сил хотел выглядеть чайником в делах звукозаписи, хотя попытки записаться были, но не в студии – на квартирах, на берегу Невы.

– Так, – Игорёк ударил пальцами по столу, – тебя необходимо увековечить. Я договорюсь с Виктором Борисовичем…

Дня через три Игорёк объявил:

– Завтра вечером, после десяти, первая сессия. – И показал лист с автографом главрежа: «Разрешаю использовать студию для экспериментальной записи…»

Когда назавтра Майк вошёл в привычное помещение студии, то не узнал его. Всё было, конечно, как всегда, но значимость этого места изменилась. Сейчас здесь будет происходить самое главное событие в его, двадцатипятилетнего человека, жизни. На магнитофонную пленку будут ложиться его голос, его мелодии. Выхватываться из воздуха, из сгорающих в полете времени секунд, и ложиться на коричневатую полоску, оставаться, может быть, и навсегда. Превращаться в то, что можно сохранять бесконечно долго. До конца времён.

Конечно, такое вслух Майк бы никогда никому не сказал, но подумать-то было можно. Почти десять лет сочинял песни, три года мечтал о настоящей записи. И вот – сбывалось…

В ту ночь они записали четыре номера. В следующую – два. Потом, с разрешения Игорька и его напарницы и начальницы Аллы, Майк привёл друзей, Славу и Бориса. Понадобилась вторая гитара и подыгрыш на губной гармошке. Борис принёс с собой портвейна.

Записали песню, выпили по полстакана, занялись следующей.

Майк стоял с гитарой по центру студии и глядел на чёрный, в мелких точечках, будто исколотый булавкой микрофон, свисающий с потолка. Второй микрофон, торчащий на согнутом штативе, приготовился хватать звуки гитары. В углу студии, у третьего микрофона, был Борис с гармошкой.

Звукорежиссер Игорёк в отделенной от основного помещения стеклянными рамами будочке, отрегулировав громкость, частоты, наконец дал команду начинать. Слава стоял рядом с ним и держал в руке стакан…

Открой бутылку – треснем зелья, —

запел Майк, отыграв вступление, —

Необходимо ликвидировать похмелье,
Иначе будет тяжело прожить этот день…
Как вкусно пахнет, явно щами…
Мой разум занят очень странными вещами…
Я ничего не хочу – мной овладела лень…

Песня была динамичная, почти веселая по манере, несмотря на не очень-то весёлый текст. Слова Майк знал наизусть – тогда он все свои песни знал наизусть, – но на середине чуть не сбился: в будочку вошёл главреж. Не просто вошёл, а нахмурил брови, увидев вино возле пульта.

Горячий душ и лёгкий завтрак,
И мы идём гулять…
Но скажи, почему меня бросает в дрожь,
Когда ты пытаешься меня обнять?

Допел Майк, сыграл ещё четыре фразы, дав Борису оторваться на гармошке. Потом положил шестиструнку на стул и пошёл в будочку, предчувствуя нехорошее.

– Здравствуйте, Виктор Борисович, – поздоровался вежливо и даже слегка поклонился. – Мы вот… работаем.

– Да я вижу. – Главреж, наверняка мягкий по природе, в силу своей должности обязан был проявлять твёрдость и иногда жёсткость; за портвейн вполне мог прикрыть лавочку. – Вижу и слышу… Что-то печальные у вас песни, Миша. Мне вот Алла дала послушать – «отмою с паркета кровь и обрету покой», «интересно, с кем ты провела эту ночь». Вот, скажут, каким творчеством занимаются в Большом театре кукол… А вообще, Миша, – Виктор Борисович сменил тон, и стало ясно, что до сих пор он говорил не вполне всерьёз, – вы очень талантливы. Не думал, что у нас такой радист. Вы, по-моему, талантливей Северного.

– Кого? – охрипшим голосом спросил Майк. – Аркадия Северного?

– Да-да, его имею в виду. Он, кстати сказать, записывал здесь свои песни… Жаль, умер, а вполне ещё молодой человек…

Чувствуя, что выглядит глупо, задавая один вопрос за другим, Майк всё же не удержался:

– А он умер?

– Да вот недавно, в апреле, по-моему. Говорят, зал крематория был переполнен. Жаль, жаль, уникальный был голос.

– Гм… Так он здесь умер, в Ленинграде?

– Да, конечно, – слегка как-то с удивлением произнёс Виктор Борисович. – Здесь жил, пел, здесь и умер.

Но Майку представился берег моря, деревья – то ли кипарисы, то ли платаны…

– А я люблю очень одну песню, которую Северный исполнял, – сказал он. – Ну, не только он… «Панама» называется. «Я милого узнаю по походке…»

Главреж кивнул:

– О, чудесная песня… Что, нальёте капельку?

Выпили. Майк, которого не отпускало известие о смерти того, с кем год назад довелось познакомиться и тут же расстаться навсегда, предложил:

– А давайте спою её… Песню. Может, и запишем.

– Запишем? – послышался брезгливо-недоуменный голос Бориса. – Ты всерьёз?

– А что – пусть останется… Игорь, запишешь?

Звукорежиссёр пожал плечами и сел за пульт.

– Я не участвую, – сказал Борис.

Прав он, конечно, – эта песня из другой оперы может сорвать настрой, разрушить атмосферу, и работа над альбомом застопорится. Но нужно было спеть. Сейчас. Именно в эти минуты.

Майк поднял гитару, перекинул веревочку, заменяющую ремень, прошёлся пальцами по струнам. Всё в порядке. Вопросительно взглянул на Игорька. Тот кивнул, мол, поехали. И Майк, мгновенно повеселев, отчеканил в микрофон:

– Любимая песня, хит номер один!

Пел, закрыв глаза, и видел Витю, с которым ходили тогда на запись, в каком-то подвале, перемазанного черным, но весёлого, с гитарой. И Витя горланил: «Анаша, анаша, до чего ты хороша!» Потом увидел Андрея-Свина. Тот, сидя на корточках на балконе старого ДК с колоннами и лепниной, кричал без музыкального сопровождения толпящимся внизу, странно и дико одетым: «Шашкою меня комиссар достал!» Увидел какого-то незнакомого, давно не бритого парня, похожего на гопника, который стоял на огромной сцене, освещённой разноцветными огнями, и этот похожий на гопника печально, но громогласно благодаря мощнейшим колонкам жаловался: «Пьяненькая печаль, пьяненькая печаль».

Увидел Майк старика в квартире. И в окне той квартиры, раскорячив ноги-опоры, торчит Эйфелева башня. Майк каким-то чутьем угадал: это Алёша Димитриевич, хотя не знал, как он выглядит. Старик грустно ждёт своего друга, которого никогда не встречал и который к нему теперь не приедет.

– В Париж, в Париж! – выкрикивает ему Майк. – Он больше не вернётся. Оставил только карточку свою…

Увидел и самого себя. Сначала обычного, каким видел себя каждое утро в зеркале. Он стоял на сцене, но попроще, чем та, с похожим на гопника; он только что спел что-то и слышит в наступившей тишине возмущённое: «Что это за питерский уголовник целый час поёт блатные песни под видом рок-н-ролла?» А потом увидел себя нестарым, но толстым и седым. Он сидит в незнакомой комнате, но со знакомыми, его, плакатиками на стенах, книгами в шкафу. И он, толстый и седой, одинокий, хотя у него есть жена, есть ребёнок – но они не с ним – поёт эту же песню…

Майк ударил по струнам. Открыл глаза. Игорёк тряс сжатым кулаком с выставленным большим пальцем, Виктор Борисович поднимал руки для аплодисментов. Гитарист Слава, изумлённо открыв рот, застыл у стены. Борис, красиво подперев подбородок кистью руки, смотрел в пол… В студию заглядывала светловолосая девушка Наташа, с которой Майк гулял уже почти год, но не решался даже поцеловать, а теперь понял, что она будет его женой; Наташа держала в руках лист с эскизом обложки его будущего альбома.

Моргнул; Наташа исчезла, остальные ожили, задвигались, главреж хлопал громко, как школьник.

– Какой интересный портвейн, – сказал Майк, – можно ещё полстаканчика?

Возвращения

Я открыл глаза и не узнал номер в отеле Palazzo Salgar на берегу Неаполитанского залива, куда наша писательская делегация вселилась пять дней назад. И вообще я был не в кровати – а ведь в неё лёг вечером, побеждённый граппой, – а стоял у окна в большом, с высоким потолком зале и смотрел на море.

Неаполитанский залив был виден широко – ни бетонных сооружений у пирса, ни многоэтажного лайнера, ни морского вокзала. Зато много-много мелких корабликов, рыбачьих лодчонок… Ничего похожего на то, что было вчера. Лишь Везувий на месте, но и он какой-то не совсем такой, к какому я уже успел привыкнуть, – словно бы выше и острее.

И я сам не тот, что обычно. Волосы до плеч, лицо – чувствую – у́же и длиннее, и одет в стягивающий, плотный, как панцирь, то ли сюртук, то ли камзол…

Меня удивляли перемены, но не до такой степени, чтобы заметаться в панике. Стоял и смотрел сквозь волнистые из-за плохой шлифовки стекла на мир. Пытался сообразить, что случилось.

В дверь стукнули, и вошёл откуда-то хорошо знакомый, близкий мне человек. Но вызывающий страх и желание спрятаться. Он был пожилым, невысоким, плотным. Тоже в старинной одежде, белом парике при густых черных бровях.

– Как почивали, Алексей Петрович? – спросил он.

«Какой ещё Алексей Петрович?!» – хотел возмутиться я, а вместо этого качнул головой.

– Спасибо, благополучно, Пётр Андреевич.

Тот, кого я назвал Петром Андреевичем, улыбнулся:

– Слава богу, слава богу… Так как, Алексей Петрович, вчера вы обещали объявить решение. Каково же оно?

Откуда-то я знал о вчерашнем разговоре и ответил:

– Я в сомнении, граф. Я не верю…

– Но ведь государь написал, что прощает, что примет, ждёт.

– Я не верю, что батюшка… что государь действительно простил. Меня казнят или замучают на дыбе. Довольно я видел тех, кто вставал поперек государя, а потом каялся. И все они были без голов, с переломанными костями, вывернутыми рёбрами.

– Но ведь меня простил, – напомнил граф, – а я ведь ой как стрельцов распалял в первом бунте, Софье рьяно служил. И государь живот даровал, милостями осыпал. А вы ведь сын его! Вы – наследник.

– После рождения Петра я уже не наследник. Государь грозился отсечь меня, как уд гангренный.

И от обиды на батюшку-государя у меня в горле заклокотали едкие слезы.

– Позволите? – граф Пётр Андреевич кивнул на кресло.

– Конечно, присаживайтесь.

– И вы, царевич. Потолкуем откровенно.

В его голосе послышалось нечто такое, что я с готовностью опустился в кресло, а потом придвинул его ближе к креслу графа.

– Хочу сообщить вам, Алексей Петрович, – почти шёпотом заговорил граф, – что братец ваш Пётр Петрович – не жилец на этом свете. Болеет, хил, ему уж почти три года, а не говорит, не ходит. Что ж, государь пить горазд, вообще в желаньях несдержан, да и супруга его тоже. Потому, видно, и чадо такое. К тому, – Пётр Андреевич кашлянул и оглянулся на дверь, – и сам государь сдаёт… Одряхлел, обрюзг, с сердцем неладно. Иногда лицо до черноты багровеет… хрипит, задыхается. Батюшка, Алексей Петрович, – граф вдруг рыданул, – на вас вся надежда!

Рухнется Россия в ад, если не вы. Разъедают нас все эти голландцы да немцы, французы, шваль всякая. Ждём вас, молимся, просим: вернитесь, спасите народ наш многострадальный.

Я, тот я, в сковывающей тело одежде, худой, с падающими на глаза прядями, вспомнил, как бежал с родины, заметал следы, прятался в австрийских замках, в Альпах-горах. Как сначала хотел свергнуть отца, а потом забыть его, забыть матушку, насильно постриженную в монахини, забыть Россию, русский язык. Вспомнил, как мечтал переплыть океан и затеряться в огромной Америке, поселиться среди простодушных дикарей в их вигвамах, добывать самому скудную пищу, проповедовать им слово Божие, учение Исуса Христа…

Но ничто не забывалось, Америка была всё так же далека и здесь, в Неаполе, который стал для меня тупиком на всей огромной и разнообразной Земле, о которой я столько читал. Уже много месяцев я сидел в этом замке на берегу Тирренского моря, меня вкусно кормили, мыли моё бельё, но не пускали дальше. И каждый день, каждый день давали понять, что лучше всего мне вернуться домой… А потом появился граф Пётр Андреевич. Поначалу угрожал, потом просил, потом передал письмо отца, а теперь умолял:

– Батюшка-царевич, ждёт вас народ российский, ждёт и верит в вас. Народ наш измученный, иноземцами-кровососами задавленный…

Слово «народ» слышал я, конечно, и раньше, но куда реже, чем «подданные», «рабы», «чернь», и никогда не придавал ему значения, а теперь оно изобразилось перед моим мысленным взором этаким камнем, огромным, пестрым, драгоценным, который дробит, крошит тяжёлый и неустанный молот. Искрошит в пыль, если я не спасу.

– А как же Ефросинья? – вспомнил. – С ней что будет? Она как жена мне.

Граф Пётр Андреевич вытянул руки:

– Улажено-улажено, батюшка. Государь не против венчания. И скорому появлению внука ли внучки очень рад и доволен.

– Но ведь она простая.

– Хм, и у государя, смею напомнить, супружница нынешняя совсем не из принцесс.

– Мне надо поговорить с Ефросиньей.

– Момент, кормилец! – слишком проворно для своих лет вскочил граф и потрусил к двери.

Странно, все эти дни он общался со мной, как с осаждённым в крепости, от которого требуют открыть ворота и сдаться на милость победителю, а сейчас, после шёпота, стал относиться, будто пёс к хозяину. Неужели он действительно видит во мне скорого самодержца и спасителя России…

Вошла Ефросинья, за ней граф. Он остался у дальней стены и повернулся к ближайшему окну, демонстрируя, что не желает участвовать в нашем разговоре, не будет давить и настаивать.

– Афросьюшка! – воскликнул я, словно мы не виделись давно, обнял и почувствовал, что вот-вот заплачу.

У меня уже была жена. Германская принцесса. Я не любил её, женился по велению отца. Она родила дочь и сына и умерла. И появилась Ефросинья – Афросьюшка – чудо, единственная любовь моя. Простая русская девушка. Не толста, но и не из тех селедок, что в последние годы развелись не только в Петербурге, но даже и в заповедных российских землях. Со впалыми щеками, бледной кожей, подбитыми ватой задами и грудями.

У Афросьюшки кожа, будто лаком покрыта, блестит и переливается, щёки румяны, коса – канат корабельный. Глаза всегда горят жизнью и страстью. Спать с ней – великое удовольствие, будто рядом с печью лежишь, а если сверху, то как на перине пуховой; её всё время хочется трогать и гладить, как свежую сдобу.

– Афросьюшка, граф Пётр Андреевич убедил меня в том, что государь простил нас. Он больше не сердится, он не против венчания, рад сыну нашему или дочери. Более того, – как

и граф недавно, я перешёл на шёпот, – здоровье государя плохо, и братец мой, Петр, слаб и болезнен. Государь-батюшка видит меня наследником. И… и народ российский – тоже. Как быть, Афросьюшка, возвращаться? Ехать в Россию?

Ефросинья смотрела на меня честными и влюбленными глазами:

– Едем, друг мой! – сказала. – Я давно ждала, что ты решишься. Я истомилась здесь, на чужбине неласковой. И Россия по тебе истомилась. Она ждёт тебя. Ты её спасёшь, Алёшенька, вернёшь традиции наши русские, обычаи, сам стержень бытия нашего.

Хоть и из крепостных, но она умела говорить хорошо. Она вообще умница, моя Афросьюшка.

И я сказал графу:

– Едем!

Условились, что мы с Петром Андреевичем выезжаем завтра поутру, а Ефросинья через несколько дней. В её положении спешка была бы губительна – могла скинуть плод; нужно было экипаж подготовить, обслугу в дорогу нанять.

На прощанье я обнял её осторожно, приложил ладонь к животу. Я, конечно, не знал, что не увижу ребенка, что больше не прикоснусь к Афросьюшке. Мы увидимся с ней лишь однажды, на очной ставке, где она даст убийственные для меня показания: что я подговаривал европейские силы пойти на Россию и свергнуть государя… Мне переломают кости, а потом задушат.

Выезжая из Неаполя, я видел своё будущее счастливым и грандиозным. Я уже готовился принять скипетр и державу, подставить голову под шапку Мономаха. Я уверовал, что верну родине то, что она начала терять при деде, а потеряла при отце. Конечно, я отменю не всё, что есть, но многое. И Россия снова станет Россией.

– А дома уже снежок лежит, – вытирая потный лоб, сказал граф Пётр Андреевич, усевшись.

Я выглянул в оконце кареты и увидел зеленоватое тёплое море, Везувий, над которым висело всегдашнее сизое облако, вдохнул аромат вызревших трав и стал погружаться в дрему.

И привиделся Пётр Андреевич. Не таким, какой сидел напротив меня – пышным и важным, а дряхлым, заросшим бородой, в дырявом полушубке. Он покачивается на голой лавке в крошечной, тёмной келье, он дрожит от холода, глотает свои сопли вместо еды.

– Граф, – сказал я, – а ведь вы умрете в заточении. На Соловках. Страшно умрете, позорно.

Пётр Андреевич улыбнулся:

– Надеюсь, не по вашему приказу, Алексей Петрович?

– Нет, не по моему.

– Ну и слава богу.

Он улыбнулся снова – вернее, ухмыльнулся беззлобно, как пошалившему ребенку, – и принялся набивать заморским ядом дорожную трубочку. Я закрыл глаза.

…Проснулся, казалось, через мгновение, но уже не в карете, а на террасе богатой виллы. И я был другим. Стареющим, усталым; мне было трудно дышать, но я курил крепкую папиросу; мне мешали густые и пышные усы, и глаза все время скашивались на них.

– Алексей Максимович, – говорил мне симпатичный, улыбчивый человек тоже с усами, но узенькими, прикрывающими лишь ложбинку под носом; я знал, что его зовут Генрих. – Алексей Максимович, поверьте если не государственному человеку, то вашему земляку, которого вы знали ещё пацанёнком, Ягодкой называли, там для вас уготовлен рай. Земной рай. И в плане быта, и в плане творчества.

– Мне не нужно отдельного рая, – начал я и вздрогнул от собственного голоса, басовито-глухого, с ударом на «о». – Лучше других жить не хочу.

– Но, Алексей Максимович, как говорится, каждому по способностям и труду. А вы классик нашей литературы. Советской литературы.

– Ну уж, – пошевелил я усами.

Я хотел убедить себя, что никакой я не классик, что на равных со многими, да и отстаю от них – они-то в Союзе Советов, а я здесь, в Италии, в солнечном, расслабленном Сорренто на берегу моря, а на родину приезжаю коротко, нечасто.

Но убедить не получалось – я знал, что я главный, что во мне дьявольская сила, и я многое смог и ещё смогу.

– Алексей Максимович, – в голосе Генриха послышалась мольба, – вы не имеете права на самоуничижение. На вас смотрит весь советский народ. Вся Россия ловит каждое ваше слово… Рай строится, строится для всех. Трудно, со скрипом, с кровью порой, но – строится. И одно только ваше присутствие рядом, на одной земле со своим народом придаст ему столько сил, что он горы свернет. Стократно усилит!.. Это не высокие слова, а… Я говорю не только от своего имени, вы ведь понимаете.

– Понимаю, Генрих, понимаю. – Я взял новую папиросу. – Сам здесь истомился, вычерпал всё, а нового-то нет. Откуда возьмётся? В прошлые приезды хоть и увидел кое-что, но вжиться не успел. Прочувствовать. Жить надо там, о чём пишешь. Жить, а не гостить.

– Вот-вот! Вы ведь знаете, как в СССР встретили вашего «Достигаева». Репетируют во всех ведущих театрах. Ждут вас на премьерах, и именно как своего. Нашего, по-настоящему советского писателя и драматурга. До донышка!

Я вздохнул. Уже пять лет я делил свою жизнь между Сорренто и Союзом Советов почти поровну, но домом по-прежнему считал эту виллу, эту чёрную землю – переваренный лишайником пепел Везувия. Здесь был мой огромный архив, мой кабинет, множество дорогих памяти вещей… Я понимал, что на протяжении последних дней вбивает в моё сознание Генрих – нужно определиться. Нужно окончательно выбрать.

– Но ведь я столько критиковал Иосифа Виссарионовича, самого Владимира Ильича, – решился я на откровенность, – в том числе и в печати. Одно моё открытое письмо в защиту эсеров… И скольким, как оказалось, врагам помог уехать. Ведь мне в любой момент могут припомнить.

– Бросьте, Алексей Максимович. Все забыто и перелистнуто. Кто не ошибался?.. Хочу передать вам мнение самого: многие ваши замечания спасли страну. Вы сами могли это заметить. И вас воспринимают не только как писателя, а… Гениальный человек во всем гениален. А вы – гений нашей эпохи.

Я возмущенно дернулся, но Генрих выставил вперёд руки:

– Погодите! Не спорьте! Мы говорим доверительно, надеюсь. Цену вам знают на родине, знаете её и вы, Алексей Максимович. Вы человек поистине государственного масштаба. Ваша роль неоценима. Восемнадцатый – двадцатый годы демонстрируют это. Если бы не вы – у нас была бы пустыня в плане культуры… Сейчас появилась идея создать Союз советских писателей. Это должна стать огромная сила, не слабее совнаркома. И пост председателя Союза мы – советский народ – просим занять вас, Алексей Максимович. В помощники подберём честных, талантливых, смелых литераторов. К вашему слову будут прислушиваться, в том числе и на самом верху. Вернее, и вы тоже будете верхом. Партия и литература будут идти рядом и друг другу помогать.

Я снова пошевелил усами:

– Хм, сложно поверить, Генрих. Сло-ожно.

– Это не утопия. Вы сами участвовали в создании новой, советской литературы. За пятнадцать лет она окрепла, стала великой мощью и готова участвовать в государственном строительстве. Честное слово, Алексей Максимович!

– М-да, м-да-а… – я не знал, что ответить.

– Эту вашу виллу называют новой Ясной Поляной. Но может ли Ясная Поляна быть за тысячи верст от России? Ведь это нелепица, насмешка… Знаете, какая эпиграммка гуляет по Москве? Только не волнуйтесь, но вы должны знать. – И Генрих, слегка закатив глаза, продекламировал:

В Сорренто некогда барон
Жил с пролетарской простотою:
Хранил он в банке миллион
И поторговывал собою.

Он летом – ярый коммунист;
К зиме ж, как заяц, вдруг белеет.
Зимою – преданный фашист.
А к лету снова багровеет.

Весною здесь, зимою там,
И всюду денежки сбирает…
Вот у кого учиться нам,
С кого пример брать подобает!

– Это всё? – спросил я не горлом, а своей измученной грудью.

Генрих вздохнул:

– К сожалению, подобного немало, Алексей Максимович. Но посудите сами, летом вы действительно в СССР, а зимой здесь, у Муссолини, который запретил компартию, творит чёрт знает что… Возвращайтесь, пожалуйста! У вас будет большой дом в самом центре столицы, но в тихом месте… Нет! – Генрих снова выставил руки. – Это не будет выглядеть дворянским особняком. Это будет настоящая Ясная Поляна. Вы будете встречаться с людьми, входить в их проблемы, а мы – власть – будем эти проблемы решать… Честно говоря, – голос Генриха упал до шёпота, – положение не из лучших. Иосиф берет всё в свои руки, хочет самолично всем управлять. Но ведь Ильич учил не этому. Коллегиальность. Её почти не осталось. Конечно, Троцкий враг и провокатор, но остальные… Многие старые большевики оттёрты от реальной работы. И вообще – уровень человечности падает. В девятнадцатом году человечности было больше.

– Да? – я удивился, но не сказать, чтобы абсолютно искренне.

– Да, Алексей Максимович. Общее благосостояние растёт. А вот что делается в деревнях… Голод, мор, разруха похлеще, чем в гражданскую. Соловки переполнены… Расстрелы. Знаете, – Генрих подался ко мне, – пора прекратить расстреливать людей.

Я даже вздрогнул от такой идеи. А Генрих продолжал тихой скороговоркой:

– Я знаю, вы пьесу новую написали. Про вредителей. Погодите её предлагать театрам. Не надо подливать масла в огонь. Хорошо?.. Человечность необходима, и только вы можете её дать. Для Иосифа только вы авторитет, только вас он станет слушать. Но если вы будете рядом. Россия, – он судорожно сглотнул, – Россия погибнет без вас, Алексей Максимович.

Я закурил ещё одну папиросу. В груди давило, дышать было всё трудней. Но не курить в этот момент я не мог. Иначе бы разрыдался.

– Это всё правда, что вы говорите, Генрих?

– Абсолютная. Разве бы я стал вам… Честное слово! – Он помолчал и продолжил шёпотом: – Народ русский на последней грани. Не столько физически, а – нравственно. После такой войны, такого напряжения всех сил не сбылось то, за что боролись. То же самое самодержавие строится. Но… Но есть силы, Алексей Максимович, которые хотят создать справедливое госу-

дарство. Они не враги Иосифу. Нет. Но его нужно поправить. Он сам ждёт этого. Поверьте. И только вы, Алексей Максимович…

– Не надо, – остановил я, – я всё понимаю.

Но Генрих продолжал:

– От Радищева до Пушкина, от Пушкина до Толстого, от Толстого – к вам. Вот цепочка. Золотая цепь нашей человечности. Она не должна оборваться, истлеть здесь, на чужбине. Вернитесь к нам, Алексей Максимович. Спасите нас!

Я не выдержал. К счастью, не зарыдал, но горячие, крупные слезы побежали по моим глубоким морщинам, как по каналам.

– Всё, решено, возвращаюсь! – Я вспомнил о Марии. – Единственное, мне нужно знать, что Мария Игнатьевна будет иметь в Союзе права моей законной жены.

Генрих округлил глаза:

– Само собой! Да разве её кто обижал в прошлые разы?

– Я имею в виду… после моей смерти.

– Алексей Максимыч, какая смерть… В любом случае – Мария Игнатьевна для всех ваша истинная жена и верный товарищ. И Екатерину Павловну, и Марию Федоровну уже давно воспринимают отдельно от вас.

Это замечание меня кольнуло. Но сейчас было не время обращать внимание на нюансы. Я плевком затушил папиросу и крикнул:

– Мура! Мура, мы едем в Россию!

Она появилась на террасе мгновенно:

– Надолго?

– Навсегда! Вели паковать архив, картины.

Через неделю я покинул Италию в сопровождении сына, невестки, внучек. Моя милая Мура обещала нагнать нас, но вместо этого уехала в Лондон. В следующий раз я увижу её перед самой своей смертью.

Я не знал, что прощаюсь навсегда с Сорренто, проступающим сквозь дымку островом Капри, на котором прожил до революции семь лет, громадой Везувия, Неаполем, Тирренским морем. Что в последний раз наслаждаюсь запахом отцветающей глицинии… Я буду рваться сюда, но вместо Сорренто меня будут возить на дачи то в Горки, то в Крым. Мне объяснят: «Муссолини задружился с Гитлером, а Гитлер сажает в лагеря коммунистов, притесняет евреев, сжигает на кострах книги, в том числе и ваши. Вас могут арестовать в Италии, могут выкрасть немецкие национал-социалисты, могут отравить. Советский народ не имеет права вами рисковать».

В Москве меня поселят в особняке, реквизированном у семейства купцов-староверов Рябушинских, которое я хорошо знал, и мне будет неуютно в этом роскошном доме, словно это я сам отобрал его у хозяев… Меня будут окружать чуждые мне люди, я не смогу свободно ходить по улицам, принимать любого, кто захочет со мной поговорить. Зато ко мне станут привозить делегации заранее отобранных и подготовленных рабочих, колхозников, учёных, литераторов. По двадцать человек, тридцать, пятьдесят. Девяносто! Меня будут круглосуточно охранять, и это будет очень похоже на домашнее заключение.

Когда я умру, начнется массовый террор. Людей будут пытать, ссылать в лагеря, расстреливать, а трупы сжигать, так как нарыть такое количество ям окажется делом очень трудным. Большую группу людей будут пытать и расстреливать в том числе и за то, что они отравили меня…

От сборов я очень утомился. Сел в поезд и сразу же задремал. И увидел, как Генриха, сильного, крепкого мужчину, волокут по подвалу. Лицо перекошено, усики сбились куда-то на щеку… Его подводят к сидящему на высоком стуле человеку в кожаном фартуке, и тот стреляет Генриху в затылок.

– Генрих, – сказал я, очнувшись, – а вас расстреляют.

– Фашисты? – он спросил равнодушно, явно мне не поверив.

– Нет, свои. Краповые петлицы.

Генрих улыбнулся, пожал плечами и отвернулся к окну. Я уснул.

…Открыл глаза. Плазма на стене, зеленоватый огонек подзарядки ноутбука, мигание красной точки пожарной сигнализации. Номер отеля, ставший за пять дней родным.

На тумбочке бокал с недопитой граппой. Проглотил её, взял мобильник, нажал клавишу. Экранчик осветился.

«05:27. Чт 19.04.2018». До возвращения в Россию оставалось двое суток.

Приближаются сумерки

На первом этаже в подъезде – ряды почтовых ящиков с цифрами – номерами квартир на дверце каждой ячейки. Сто пятнадцать, это его… Ташевский, Юрий Сергеевич, достал блестящий, отполированный за многие годы ношения в кармане ключик и сунул в щёлку замка. Повернул, дверца открылась. В ящике – газета. Юрий Сергеевич взял её, как всегда, радуясь, что она есть, что двадцать минут в метро благодаря ей пройдут по возможности незаметно. Когда читаешь, поездка кажется не такой длительной и однообразной.

Кроме газеты – ничего. Времена, когда чуть ли не каждое утро ящик был забит всяческими рекламными буклетами, политическими брошюрками и агитками, похоже, миновали. Брошюры и буклеты теперь предпочитают продавать, а не разбрасывать всем подряд наудачу… Писем же в общем-то ждать не от кого.

Замкнув ящичек, Юрий Сергеевич хотел было вернуть ключ обратно в карман пиджака… А интересно, неужели все ячейки с разными замками? Он посмотрел на свой ключ. Две простенькие зазубринки; нет, не верится, что у соседей замки другие – у каждого особенный. Гм, а ведь можно проверить. Вполне можно проверить… Вот этот, например, сто девятый, старушки с одиннадцатого этажа, вечно пустой, с пыльной дверцей… Юрий Сергеевич, осторожно держа ключ двумя пальцами, почти что вставил его в щелку, но тут же опомнился, отдернул руку. Ключ выпал, с оглушительным звоном ударился о плитку пола… Поднимая его, Ташевский с удивлением подумал: «Зачем? Ну и желаньице! – усмехнулся, спрятал ключ в карман. – Любознательный нашёлся какой! Возьми ещё спичку брось к девяносто третьему – проверь, перекинется ли огонь с его газеты на что там есть у девяносто второго или потухнет. М-да… взрослый человек…»

Издеваясь и посмеиваясь над собой, Юрий Сергеевич вышел на улицу. До метро три троллейбусные остановки, но он предпочитает, если позволяет время, конечно, ходить пешком. Сегодня время вполне позволяло.

«Хулиган, хулиган в тебе дремлет, господин Ташевский! – продолжал поддевать себя Юрий Сергеевич. – Что там замочки какие-то, мелочь. Лучше попробуй вот „Запорожец“ этот поставить набок. Слабо́?»

На обочине проезжей части, заехав на бордюр тротуара правой стороной, стоял брошенный, раскуроченный «Запорожец» с побитыми фарами и фанерой вместо стекла на заднем окне… Вроде в шутку предложил себе Ташевский перевернуть машину, но тут же и серьезно задумался: сможет или нет? Один бок на бордюре, приподнят, колеса не спущены… Юрий Сергеевич замедлил шаг, разглядывая «Запорожец», примериваясь. На вид машина довольно лёгкая, а он, без ложной скромности, человек крепкий, сильный, в самом расцвете, как говорится; по юности баловался штангой. Гм, вполне ведь может получиться.

«Тьфу! Да что ж это я!» – и пошёл быстрее, отвернувшись от злосчастного «Запорожца». Как-то неприятно стало, ледяные мурашки защекотали спину.

Юрий Сергеевич торопливо искал тему для размышлений, чтоб отвлечься от таких вот странных, опасных желаний. Ключ, газета, «Запорожец»… Его всерьёз пугали они, эти вдруг возникающие желания.

Появилось месяца два назад, и словно приоткрылось тогда, а затем всё росло и крепло в Ташевском, устоявшемся, зрелом, уважаемом человеке, какое-то другое существо, глуповато-лихое, агрессивное даже. С чего это?.. Юрий Сергеевич догадывался, ещё при первом подобном желании начал догадываться. Помнится, тогда он вдруг остановился посреди комнаты и долго следил за минутной стрелкой старого механического будильника, стараясь проследить её движение, и, когда это не получилось, ему до зуда в пальцах захотелось разобрать будильник и посмотреть, как он там устроен. И тогда вот появилась догадка, что причина стран-

ных желаний – его вдруг улучшившееся зрение. Конечно, не совсем «вдруг», просто-напросто сделали операцию, подтянули роговицы. Сначала правый глаз, потом левый… И, странное дело, вскоре после операции и началось, даже в тот самый день, когда возвращался из клиники с забинтованным, спрятанным под марлей правым глазом, почувствовал что-то новое, смутно тревожное. Левый глаз, как всегда, видит окружающее расплывчато, разноцветными пятнами, точно бы мир – сырая зыбкая акварель, а правый там, за бинтом, уже зажил иной жизнью, на сто процентов беспощадно зрячей.

«Да нет, бред всё это, – мотнул головой Юрий Сергеевич, отгоняя неприятные догадки и воспоминания. – Ведь радость, счастье же – всё видеть как надо, идти вот и видеть мир!» Он посмотрел вокруг. Мир был чёткий и правильный, стены домов твёрдые, надёжные, прямые, а не рыхлые и бесформенные, как представлялось ему раньше; он ясно видел идущих навстречу людей и не боялся с ними столкнуться, не боялся машин, переходя улицу, не щурился беспомощно, когда нужно было прочитать надпись на указателе или вывеске.

Ташевский не носил очки. (Нет, они всегда были при нем, лежали в футляре во внутреннем кармане пиджака, лежали и сейчас, по привычке, совсем не нужные после операции.) Глупый комплекс, оставшийся с детства: он стеснялся очков. Ещё в третьем классе, когда нацепил их впервые и когда его стали дразнить очкариком, он возненавидел эти два стеклышка в тёмно-синей оправе, прятал их на дно портфеля. Пользовался ими лишь в крайних случаях, даже читал без очков, из года в год всё ниже склоняя лицо над книгой. Да, зрение ухудшалось, но Юрий Сергеевич прекрасно ориентировался в привычных, хорошо знакомых местах, даже порой сравнивал себя с полностью слепым человеком – дескать, не пропаду! Слепой, скорее всего, в своём доме чувствует себя уверенно, чуть ли не лучше зрячего, все вещи у слепого всегда на местах, он знает, где что лежит, до последней пуговицы. Так же и Юрий Сергеевич – его домашний кабинет, ближайшие магазины, дорога до метро, тот метрополитеновский маршрут, которым всегда ездил на работу, институт, где преподавал, – всё это было им изучено досконально, он мог бы и с закрытыми глазами безошибочно пройти в нужный отдел гастронома, найти аудиторию, где предстояло читать лекцию. Но новые места пугали его – Юрий Сергеевич оказывался в неожиданной, страшноватой, непривычной обстановке; тут-то часто и требовалась защита и помощь очков…

Люди на улицах, в метро, в магазинах раньше были безликими, размытыми; лишь напрямую сталкиваясь с ними, Ташевский убеждался, что действительно эти густые движущиеся пятна реальны и тверды, за ними нужно следить, чтоб не сталкиваться снова и снова. Теперь стало проще. Да, с одной стороны, проще, а с другой…

Очень рано, наверняка благодаря плохому зрению, он привык быть один, точнее – с книгами. Тот мир, что открывался ему на страницах, жил куда более ярко и разнообразно, увлекательно, чем действительно существующий… К музыке у Юрия Сергеевича было особое отношение, она как бы включала в себя и живопись, и кино, и театр, – когда он слушал музыку, ему всегда рисовались в воображении картины и сцены, рожденные голосами инструментов. Вообще любые звуки окрашивались для него внутренне-зрительными образами. А вот с недавнего времени эти картины и образы возникать перестали…

Девушку, что стала затем его женой, Ташевский заметил и потянулся к ней, во-первых, из-за её голоса, ласкового, плавного, чудесного голоса. И обретя отличное зрение, его отношение к жене, да и к детям тоже, несколько изменилось – точно он увидел рядом с собой не совсем тех людей… тех, да не тех…

А лекции… Гм… Много лет Юрий Сергеевич читал, точнее, рассказывал свои лекции в аудитории, заполненной студентами, именно студентами – абстрактными молодыми людьми, слушающими его, сидя за столами, ряд за рядом. Теперь же с кафедры он видел лицо каждого, глаза, равнодушные и пустые; видел, что многие заняты своими делами, некоторые дремлют, другие постоянно передают друг другу записки, шепчутся, поглядывают на часы. Это крайне

раздражало его, лекции превратились почти в пытку, он даже начал подумывать об уходе из института. «Да им же совершенно плевать, оказывается, – злился Ташевский, – на всех моих вагантов, трубадуров, миракли!»

В последнее время, после операции, очень многое изменилось для Юрия Сергеевича, и, странно, – многое точно бы побледнело, а другое исказилось, изуродовалось. «Хм, – усмехнулся он пришедшему на ум сравнению, – это как будто… Вот есть муха: крылья, ножки, летает, жужжит. Обычная вроде муха и муха. А положить под лупу – превращается в отвратительное мохнатое чудище…»

Наконец вот и станция. Перед входом – ряды женщин с мешками и клетчатыми сумками, полными мандаринов, помидоров, винограда. У старушек висят на груди этакие витринки – десятка два сигаретных пачек.

– Мужчина, возьмите свеженьких помидоров! – обратилась одна из женщин к Ташевскому. – Вам, как первому покупателю…

Он посмотрел на женщину. Тонкая, с узким бледным лицом; неприятный взгляд возбужденных надеждой глаз…

– Вкуснейшие помидоры, – добавила она уже почти равнодушно вслед открывающему тяжелую стеклянную дверь Юрию Сергеевичу.

Вестибюль, некогда просторный и строгий, превратился в продолжение окружающего станцию рынка. Аптечный киоск, лотки с газетами, журналами, столик с духовной литературой, образками, календарями, игровые автоматы, экспресс-фото, экспресс-кафе… Раньше Юрий Сергеевич, щурясь, с интересом пытался разглядеть происходящее в вестибюле, пока шёл к эскалатору, а теперь прятал глаза, чтоб не наткнуться на унылые или не по-хорошему радостные лица продавцов, на рты, пережёвывающие хот-дог, на руки, стучащие по кнопкам игровых автоматов, листающие книжку или свеженький эротический журнал… И сейчас, доставая из нагрудного кармана пиджака магнитную карту-проездной, он вспомнил ещё об одном своём желании, чуть ли не ежедневном желании подойти к одному из столиков-тумб экспресс-кафе, к тому, из которого торчат краники, и открыть их. И смотреть, как на пол текут вязкие струйки кетчупа и горчицы… Занятное, наверное, зрелище.

Вставляя магнитную карту в турникет, Юрий Сергеевич почувствовал, как его щипнул бдительный взгляд дежурной. Взглянул в ответ. Она стояла где и обычно, у своей будочки. Немолодая женщина, полная и озабоченная поддержанием порядка, в синей униформе и нелепой красной шапочке, подозрительно ощупывала глазами следующего пассажира, преодолевающего турникет.

«Интересно, – подумал Ташевский, – как долго у них эта вахта? Часа по два… или по четыре…»

По соседнему эскалатору выезжают из подземелья люди. Плотной полоской, один за другим. Стоящий впереди на голову выше следующего. «Как матрешки!» Вереница мужчин, женщин, девушек, стариков, детей… Некоторые торопливо топают вверх, куда-то, видимо, опаздывая, и смотрят на ступеньки, словно гонятся за ними, прихлопывают тяжёлыми подошвами… «Да, там на некоторых цифры есть, – вспомнил Юрий Сергеевич, – кажется, на каждой пятой: 35, 40, 45…» И усмехнулся, даже не поняв, отчего именно. Кстати, да, он стал с недавнего времени частенько усмехаться своим мыслям, порожденным впечатлениями от увиденного в прояснившемся для его глаз мире.

Эскалатор длинный, стоять и ждать, пока спустишься на платформу, томительно. Бывает, Ташевский шагает вниз, правда, это неудобно – раньше из-за близорукости он постоянно цеплялся за стоящих справа то локтем, то портфелем, опасно оступался, боялся потерять равновесие; теперь же ориентируется куда лучше, только вот прежнее ощущение неуверенности слиш-

ком сильно, и он предпочитает стоять, держась за поручень. Разглядывать людей на соседнем эскалаторе.

Они разные, люди. Да, теперь они кажутся совершенно разными. И надо ж природе иметь столько фантазии, создавая людей. Каждого в отдельности. Бесчисленное количество комбинаций…

Два людских ручейка постоянно посылают друг другу взгляды-прикосновения. Парни обшаривают соседний ручеек, выискивая симпатичных девушек; женщины с грустинкой разглядывают, кто как одет и кто что везёт; немолодые завистливо смотрят на молодых… Много откровенных, почти наглых глаз. А чего опасаться? Это не тротуар, не автобус, здесь нет опасности, что тебя спросят: «Чего уставился?» Ты защищён пространством и движением. Секунда-другая, и человек уже миновал тебя, проехал дальше, и можно разглядывать следующего, и тот тоже уплывет, на его месте появится третий…

Юрий Сергеевич вспомнил, как однажды, спускаясь к поезду, он наблюдал карабкающихся вверх. Соседний эскалатор почему-то остановился, людям пришлось подниматься самим. И те, кто плавно и благополучно спускался, смотрели на карабкающихся, неуклюжих и жалких, с подсознательным превосходством, а те, в свою очередь, на спускающихся – со злобной завистью.

«А вот если кому-нибудь язык показать… – вдруг пришло в голову Ташевскому новое дурацкое желание. – Высунуть так язык до подбородка или пальцем у виска покрутить, как отреагируют? Может, тем же ответят, а может, начнут догонять, чтоб разобраться». И тут же наткнулся на подходящее для эксперимента лицо: солидный мужчина, полный, налитой силой, глаза умные, даже какие-то ленивые от избыточного ума… Мужчина равнодушно глядит на плывущих в противоположную сторону соседей, зрачки не перескакивают с одного на другого, а просто скользят по фигурам. «Никого не видишь – да? – не замечаешь…» Юрий Сергеевич задержался на этом лице лишнее мгновение и почувствовал, что язык готов выскочить и подразнить солидного. «Ну-ка, отреагируешь?» Конечно, очнется, оглянется, чтоб рассмотреть ненормального с высунутым языком, а потом полдня будет всплывать перед ним эта странная секундная сценка… Но Ташевский удержался, стиснул зубы, заперев за ними язык. Отвёл взгляд, вцепился им в спину стоящего впереди пассажира…

Уезжаешь ты,
Может быть, и навсегда.
Уезжаешь ты,
Вот и все мои слова.

Поет почти девичьим, тонким голосом долговязый парень с несчастным лицом, подыгрывая себе на гитаре. Перед ним расстелен матерчатый футляр, где лежит несколько монеток. Глаза парня прикрыты, он будто выражает этим своё презрение к толпе или же просто стесняется, а может, и действительно страдает искренне.

Юрий Сергеевич, как и все, прошёл мимо парня, отыскивая на ходу свободную скамейку. Нашёл, поставил на неё портфель, снял кепку и вытер лоб платком. После той чуть не случившейся выходки с языком его прошиб пот, холодный и липкий. «Неужели загриппую…» – попытался обмануться Юрий Сергеевич, найти причину своего состояния. «Да не-ет, никакой это не грипп… Переутомился, что ли? Скорее всего».

Рядом остановился маленький сутуловатый старичок. В мощных очках. Пушистая, темно-русая, с седыми прядями борода спускалась на отвороты пальто.

Старичок поставил сумку рядом с портфелем Ташевского, расстегнул пальто и размотал на шее шарф. На Юрия Сергеевича пахнуло ароматом одеколона, нет, не одеколона, а чего-то нежного, сладковатого, как женские духи… «От него?» – изумился и испугался Ташевский.

Спрятав шарф в сумку, старичок покопался в кармане пальто и достал часы – этакую увесистую серебряную шайбу, – щелкнул, и крышечка отскочила. Заиграла простенькая мелодия, странно-знакомая Ташевскому… Старичок посмотрел на часы и осторожно опустил крышечку. Мелодия оборвалась. Он сунул часы обратно, взглянул на Юрия Сергеевича. Взгляд подозрительный, почти враждебный.

«Специально доставал, чтоб покрасоваться? – спросил себя Ташевский. – Ведь вот же часы висят». Действительно, прямо перед ними – табло с электронными часами. Даже близорукий легко увидит… «Или просто привычка, – ожидая поезд, лезть в карман за часами?»

В глубине туннеля вспыхнул свет, пропал, а через секунду появился снова, стал разрастаться, и вместе с ним послышался грохот спешащего к станции поезда.

«Скорей бы», – Юрию Сергеевичу становилось все тревожней, он чувствовал, что с трудом владеет собой; в голове словно бы кипело, ему почти виделось, как лихорадочно делятся и сгорают клетки его мозга… Казалось, что окружающие присматриваются к нему, ловят каждое его движение. Мраморные плиты, покрывающие стены, готовы вот-вот обвалиться все разом, колонны – рассыпаться, неподъемными глыбами завалить его, сжать, раздавить… Давным-давно, в детстве, во время какой-то тяжелой болезни было у него похожее состояние, и сейчас Юрий Сергеевич вспомнил себя маленького, одного в тёмной комнате, окружённого кошмарами, болтающегося между сном и явью. Но тогда, даже в бреду, он помнил, что болеет и что стоит ему вскрикнуть – прибегут родители, возьмут на руки, защитят, успокоят. А сейчас… Кажется – вскрикнешь, вот тогда все и набросятся, колонны разлетятся, потолок рухнет…

Утренний час пик миновал, поезда в это время полупустые. Это хорошо, что не давка. Или наоборот… Ташевский устроился на сиденье, поставил на колени портфель; постукивал пальцами по прохладному металлу застежки… Куда деть глаза? Куда смотреть?

Бросил взгляд вдоль вагона. Люди торопятся занять свободные места, некоторые стоят. В основном заняты чтением или готовятся читать. Конечно же, конечно – газета! Как он мог забыть?! Впервые за столько лет… Журналисты знают своё дело, поскучать не дадут… Скорей газету.

Юрий Сергеевич достал её из кармана куртки, развернул, стал шарить глазами по странице в поисках многообещающего заголовка.

– Осторожно, – объявляет спокойный и деловой женский голос из динамиков, – двери закрываются.

«Удар! Ещё удар!», «Президент мочит розги», «Чеченская рулетка»… – Поезд тронулся. – «Все в ЦКБ».

«Уже давно нам не угрожали так тупо и нагло. Вчера в кабинет главного редактора…» – стал читать Ташевский, но как-то безотчетно, точно не слов касался его взгляд, а безразличной пустоты; всё же его внимание было обращено на происходящее – вокруг он угадывал сгущающийся частокол тел, и эти тела медленно, осторожно, скрытно и решительно приближались, подкрадывались к нему. И он ясно представлял их хищные лица, напрягшиеся багровые кулаки…

Сколько было возможности, Юрий Сергеевич держался глазами за газетный лист; в нём кипела борьба его привычного, уравновешенного, здравого и нового, пугливо-злобного, всклокоченного; первый уговаривал успокоиться, пытался внушать: всё хорошо, всё вокруг, как всегда, а другой трясся и, торопясь, захлебываясь, шептал: вот они, они со всех сторон, сейчас ринутся и задавят, опереди их, слышишь, о-пе-ре-ди!

И он резко опустил газету – та жалобно зашуршала, измялась, – огляделся. Люди, казалось, предугадав его движение, заранее замерли, сделали вид, что заняты, увлечены своими делишками, ожиданием, когда поезд довезёт их до нужной станции, погружены в чтение… Напротив Ташевского на сиденье – шесть человек. Мужчина лет тридцати пяти, с мягким ред-

ким пушком на почти облысевшем надлобии; рядом паренёк в короткой кожаной куртке, играющий в «Аполло»; девушка с длинным, остроконечным носом, уставленным в читаемый ею журнал, и с двумя проводка́ми наушников, касающихся её розоватых скул; следующий пассажир – отёчная женщина с болезненным, исстрадавшимся лицом, но в кокетливых, белоснежных сапожках, так не идущих её лицу и грузной фигуре; ещё один мужчина, работяга на вид, решительный и простой; шестой сидела молодая женщина в дорогой длинной шубе, но некрасивая, с шершавой, покрытой заметными волосками кожей на лице и тусклыми, ничего не выражающими глазами. «Никакие они не опасные, ничего им от меня не надо», – твердо сказал себе Ташевский и почти успокоился, стал разглаживать газету.

И тут на него пахнуло теми духами. Юрий Сергеевич повернул голову и окаменел от необъяснимого, моментом парализовавшего его ужаса.

Он!.. Ну и что? Обыкновенный – да! – обыкновенный старичок с седоватой бородой, немощный, ссохшийся. Какой-нибудь книжный червь, как и сам он, Ташевский Юрий Сергеевич… Чего в нём такого ужасного? Нелепый запах женских духов? Допотопные часы с музыкой? Борода, очки? Что?

Старичок медленно листал потрепанный, затасканный блокнот, кажется, что-то искал, какую-то запись, шевелил губами, и от этого вся его здоровенная борода тоже шевелилась, каждый волос послушно двигался вслед за губами. С минуту Ташевский, замерев, следил за этой плавно шевелящейся бородой… «Почему он снова рядом? – наконец оформилась мысль. – Там тоже, на скамейке… и сейчас…» – «Да что же странного! – удивился здравый комочек в Ташевском. – Там рядом стояли, вместе вошли, увидели пустые места и сели. Вот и всё». От такого объяснения он вроде бы пришёл в себя, хотел было отвернуться от старичка, но глаза, наоборот, всё трогали, изучали соседа, изучали со страхом и интересом. Две заклепочки на коричневой дужке очков, выпуклые стекла, морщинки на дряблом ухе, большие поры на припухшем носу… Ниже, по волосам ухоженной бороды, по ворсистому драпу пальто, ниже, туда… Туда? Да, карман оттопырен, карман чернеет соблазнительной и доступной ямкой. И рука Ташевского в считаных сантиметрах от него, от кармана, в котором… «Господи, да что же это я! – вскричал в душе Юрий Сергеевич. – О-ох… Так нельзя!» Но другой голос, сильнее этих восклицаний, внятно рассказывал дальше: «А там, внутри, там часы, увесистая серебряная шайба, так приятно покачать на ладони. Откроешь крышечку – мелодия. Знакомая, но забытая тобой мелодия. Послушай, может, вспомнишь. Ну-ка, давай смелее. Дава-ай!»

Точно кадры из нескольких фильмов, разом побежали картинки, все о том, как ловко одни люди достают содержимое карманов у других людей. Кошельки, деньги, платки, бумажники… И картинки сделали своё дело, отвлекли Ташевского от наблюдения за собой, от удержания своего очередного, опасного желания, и он опомнился, когда уже пальцы умело и уверенно, под покачивание вагона, коснулись ткани чужой одежды.

– А! – выдохнул Юрий Сергеевич, схватил левую руку правой; газета измялась окончательно и упала на пол большим комком.

Старичок оторвался от своего блокнота, огромными, под стеклами очков, бесцветными глазами непонимающе посмотрел на Ташевского.

– Извините, – быстро сказал тот, поднял газету, стал её расправлять. – М-да-а…

Поезд сбавляет скорость. Носатая девушка убрала журнал в рюкзачок, поднимается и идёт к дверям, по пути надевая рюкзачок на плечи. Ташевский наблюдает за ней и неожиданно возбуждается. Как в юности. Напряжение в паху, лицо горит, хочется вскочить… У девушки стройная фигура, открытые для взглядов ноги в шерстяных колготках, юбка короткая, но не обтягивающая, а широкая, – так и тянет сунуть под неё руку… Юрий Сергеевич словно бы со стороны видит своё лицо, свои жадные глаза, приоткрытый рот. Тщетно он ищет в девушке отталкивающие черты; даже её длинный нос, который теперь, в профиль, кажется ещё больше,

с крупной ноздрёй, возбуждает… «А если пойти за ней… может… Нет, просто пойти, ещё несколько минут понаблюдать за ней. А? Издалека. Да, да… О господи!» Он дернулся, с трудом перевел взгляд на измятую, запачканную газету.

Пыльная полутьма за окнами сменилась ярким светом. Поезд ворвался на станцию. Затрещали динамики, предвещая объявление.

– Станция «Тимирязевская».

Какой уверенный голос! Ни капли сомнения. А ведь теоретически поезд может проскочить мимо, сбиться с маршрута, сойти с рельсов. Конечно, да, он благополучно выгрузит и заберёт пассажиров, продолжит путь по серой ветке. Как же иначе?

Остановились. Носатая вышла из поезда и зашагала куда ей нужно. Юрий Сергеевич проводил её взглядом, но следовать за ней ему теперь не хотелось. Очень хотелось одного – скорее добраться до института, снять куртку на кафедре, перебросится парой слов с коллегами и… «А разве там это пройдет? – тут же усомнился он. – Разве там не появятся новые идиотские желания?» Вряд ли это кончится просто так… И будто в подтверждение левая рука зазудела, вспомнив о близости оттопыренного кармана.

Вошли несколько человек. На свободное место, где сидела девушка, шлепнулся коренастый парень в туго обтягивающей круглую голову шапочке. Лицо бандитское, глаза бесцеремонно тормошат соседей по вагону, точно выискивая объект, к которому можно привязаться и дать по зубам.

«Вот он! – крикнуло внутри Ташевского. – Вот он и появился. Этот!..»

Юрий Сергеевич поспешно убрал с парня взгляд, вперился в ближайшую наклейку-рекламу, стал читать то, что на ней написано.

С жестким хлопком сомкнулись двери, что-то зашипело под днищем поезда, и после толчка он тронулся; колеса стучали всё торопливее, станция промелькнула и – снова узкий полутемный туннель, какие-то бесконечные шланги и кабели на стенах.

«ТАРРАГОНА – чудесный шоколад из Швеции, – специально медленно, вдумчиво, почти шёпотом читал рекламу Ташевский. – ТАРРАГОНА обладает совершенно невероятными свойствами: она способна повышать настроение…» Но мысли брали своё: «Скоро следующая станция, хорошо… Как же он плетётся!.. Неужели всё из-за глаз?.. А ведь они опять все на меня смотрят! Готовятся…» Страшно, страшно оторваться от рекламки и оглядеться; Юрий Сергеевич изо всех сил цепляется за текст о шоколаде: «Даже если моросит противный дождик, завтра – трудный день, и вообще…» Слева зашевелился старичок, снова острый запах духов. И Юрий Сергеевич потерял рекламу, повернул к соседу лицо.

Старичок, видимо, только что спрятал блокнот в сумку и снял очки. Теперь он сидел, прикрыв глаза, чинно сложив руки на животе, зажав очки между пальцами… А карман все так же оттопырен! Что ж он думает?..

…Рука Ташевского, не заботясь об осторожности, не слушая разума, сунулась в карман и вытащила часы.

Некоторое время Юрий Сергеевич с детским интересом разглядывал узор на крышке – сплетение серебряных веточек вокруг какого-то незнакомого ему герба. Потом нашёл кнопочку и нажал… Крышка отскочила, раздалась мелодия, отчётливо слышимая даже сквозь завывание бегущего поезда. Что же все-таки за мелодия? Такая знакомая.

«П-позвольте! – судорожно нацепляя очки, заикаясь, хрипит старичок. – Что з-за безобразие?!»

Юрий Сергеевич смотрит на него: оглупевшее от изумления и возмущения лицо, линялые глаза, смешно увеличенные стеклами очков. Нижняя челюсть отвисла, видны длинные зубы, желтые, ломкие, словно вываренные кости и шевелящийся синеватый язык. Юрий Сергеевич хохочет, чуть не опрокидывается на тихую соседку справа. Но смех приводит старичка в чувство, он хватает Ташевского за руку, где часы, царапает её, пытается разжать пальцы.

«Отдай! – продолжает хрипеть, до сих пор не сообразив, что можно кричать, звать на помощь. – Отдай, с-с…»

Кулак Ташевского впечатывается ему в висок. Дужка очков ломается, проволочка впивается в кожу; что-то хрустит у старичка в голове, она отлетает к окну, стукается о стекло. Рука перестает бороться за часы, обмякает. «Какая лёгкость!» – успевает с удивлением обрадоваться Ташевский, и тут же его стягивают с сиденья, бросают в проход, на грязный пол. Заламывают руки, куртка трещит под мышками. Вырываться бесполезно – над ним несколько человек. Держат крепко, как многотонные камни.

«А-а-ай! – визжит какая-то женщина, точно это пришибли её. – Вы видали?!»

«Старикана проверьте, – командует парень, что сидит на Ташевском. – Не хило он ему приложил».

«Да уж…»

Юрию Сергеевичу легко и почти радостно. «К тому и шло, – постукивает в голове, – к тому и шло». Щекой он чувствует шершавый от грязи и песка пол, это неприятно, но приподнять голову лень. Теперь ему ничего не хочется. Совсем ничего. Он зажмуривает глаза и расслабляется. «Сумеречное состояние, – вспомнился вдруг медицинский, кажется, термин, и Ташевский с удовольствием беззвучно повторяет: – Сумеречное состояние. Хе-хе…»

Сверху суета и возня, обсуждение, смакование случившегося. Восклицания, вздохи, междометия.

«Милицию надо», – объявляет кто-то тоном специалиста.

Ему таким же тоном в ответ:

«Сейчас станция будет, найдем».

«Как там старик-то?» – голос сидящего на Ташевском.

«Не шевелится. И глаза… глаза открыты!»

«Не дышит».

«Может, шок?»

«Искусственное дыхание надо! Как его делают, кто знает?»

«Да какое дыхание тут… Наповал».

«Н-ну, парень, – с веселинкой говорит Юрию Сергеевичу сидящий на нем, – я тебе не завидую». – И ещё круче заламывает его правую руку; руку прокалывает боль, но даже стонать Ташевскому не хочется. «Пусть делают что хотят, – вяло, почти сквозь дрёму, думает он, – а я своё сделал. Значит, это надо было…»

«За что он так его?» – интересуется кто-то.

«Да хрен их разберет».

«Я, я видела! – отзывается с готовностью женщина (Ташевский уверен – голос принадлежит той грузной, в идиотских сапожках). – Он часы у этого вытащил, да вот они!..»

«Не трогать! Сдурели, что ли?!»

«Машинистам надо сообщить, – вспоминает один из мужчин. – Где их эта связь?»

«Сообщите, ясно, чтоб задержались. А то ведь не успеешь… они сразу дальше…»

«Как – задержать? У меня работа!»

«Тут человека хлопнули, какая работа…»

Люди одновременно замолкают. Юрию Сергеевичу становится интересно, почему они замолчали. Он открывает глаза, хочет поднять голову, но её тут же прижимают обратно к полу.

«Лежи смирно! Не дрыгайся!»

«Алло, алло! – крик издалека. – Товарищ машинист! У нас тут случилось… драка! Кажется, человека, это самое… А? Человека убили! А?.. Да, да, хорошо… – И кричавший докладывает пассажирам, словно удивительно важную новость: – Сейчас станция будет!»

«И слава богу, слава богу!» – дружно радуются пассажиры.

Ташевский усмехается: «Как они оживились-то! Сбились в дружную стаю, только появилась угроза. Скрутили… Я – угроза! Но мне конец… У-у, всех вас надо…»

– Гады, – прошипел он вслух с бесконечным презрением, презрением попавшего в капкан зверя; напрягся, собрал силы и поднялся с сиденья, выпутался из своего бреда.

Те, что находились поблизости, взглянули на него слегка удивленно и снова уткнулись в книги, газеты или просто отвели, прикрыли глаза.

Юрий Сергеевич запихал свою испорченную газету в карман и прошёл к дверям. Поправил кепку, достал платок, принялся вытирать лицо, глядя на надпись: «Не прислоняться»; особенно старался над левой щекой, где, казалось, налипли грязь и песок с затоптанного пола.

Шанс

Террористы захватили торговый центр в неподходящее для себя время: через несколько минут после открытия. А может, и в подходящее – их было мало, и справиться с сотнями людей, толкущимися здесь днём, они бы вряд ли смогли, а с десятками вполне.

На третьем этаже находились кафе, предприятия быстрого питания, и в одной из подсобок, предварительно обыскав, отобрав телефоны, планшеты, заперли человек пятнадцать – продавцов, поваров и посетителей.

Довольно долго заложники, сбившись в кучу у дальней от двери стены, сидели молча, слушали, как бьются, осыпаются стёкла окон и витрин…

– Сука, сам сбежал по пожарке, а меня здесь, – скулила далеко не юная, но моложавая, подтянутая особа в сером спортивном костюме и поблескивающих стразами кроссовках. – Я ему устрою, скоту, покатится у меня…

– Может, розыгрыш? – спрашивал один из поваров, до сих пор не снявший нелепую голубоватую шапочку с резинкой, напоминавшую бахилу. – А?.. А?

Мужчина с пустой сумкой от ноутбука вскрикнул:

– Какой розыгрыш к чёрту!

– Тише!

– Какой розыгрыш? Этот когда шмальнул, с потолка куски полетели… У него боевые там. Бо-е-вы-е!

– Господи-и, – сдавленно, боясь зарыдать в голос, стала плакать пожилая тётенька, полная, безвольно, как мешок, привалившаяся к стене.

Её успокаивал тоже пожилой и полный, но более подвижный, живой, что ли, муж.

– А у меня холодец варится, – жаловалась другая тётенька, суховатая, с костистым лицом. – Гости вечером… у мамы юбилей. Восемьдесят пять. Сюда вот за соусом забежала… В «Каэфси» соус сырный, мама его очень любит… И вот…

– Тихо!

Ропот и скулёж мгновенно стихли. Стал слышен голос, выкрикивающий непонятные слова, обращенные явно к тем, кто был там, снаружи торгового центра.

Люди в подсобке старались разобрать их – всем казалось, что если разберут, поймут, то это поможет освобождению.

– Ну вот чего он хочет! – не выдержав, сказал с досадой человек в дорогом, поблескивающем костюме. – По-русски не может? Кто у нас тут понимает его тарабарщину?

Нашёл взглядом узкоглазого повара.

– Не, не, не мой язык! – тот замотал головой. – Не мой совсем.

– Поймут, кому надо, – отозвался крепкого сложения, похожий на офицера, мужчина лет пятидесяти. – Теперь везде есть подразделения против терроризма. Сейчас устроят им. Время потянут, подготовятся и ликвидируют.

Эти простенькие слова вроде как успокоили людей, и они стали смелее двигаться, удобнее усаживаться. Но другой мужчина, тоже крепкий, правда, не офицерского вида, а рабочего – такой слесарь типичный, – тут же разрушил только-только устанавливающуюся надежду:

– Ну-ну, помним, какой ценой.

Полная тётенька снова тихо заскулила; похожий на офицера возмутился:

– Ты чего панику сеешь? Ты чего хочешь вообще?

Типичный слесарь не ответил.

За дверью тихо. Некоторым стало казаться, что это всё – террористы, выстрелы, загон их сюда, звон стекла – пригрезилось. Случилось минутное коллективное помутнение, и они

зачем-то забежали в подсобку. Сейчас поднимутся, отряхнутся, выйдут, а там спокойная, обыкновенная жизнь.

Город был небольшой, расположенный далеко от внешних границ. Этот торговый центр – единственный, открыт недавно, и им городские власти очень гордились, сделали символом цивилизации. Может, поэтому именно его террористы решили захватить…

– Есть сотовый? Остался у кого? – спросил похожий на офицера.

Люди молчали. Стало ясно – ни у кого нет, никто не сберёг.

Где-то за многими поворотами коридоров зазвучал частый, острый цокот. Поначалу люди не поняли, что это. Потом стали догадываться – такие звуки издают бегущие на каблуках по плитке.

– А-а, ая-яй! – резкий мужской крик и – щелчок, какой-то игрушечный. Но после него – страшный, раздирающий душу крик. Женский.

Ещё два щелчка, и крик прекратился.

Протопали рядом с дверью, на этот раз тяжело. Пробежал кто-то в мягкой обуви.

– Го-осподи!

– Тихо!

– Да что тихо! Так нас всех…

Люди прижимались друг к другу плотнее, инстинктивно стараясь друг за друга спрятаться… Не обратили внимания, как девушка в коричневом переднике с малиновой надписью «Бургер ХИТ» подползла к холодильному шкафу и стала сдёргивать металлическую решётчатую панель под дверцами. Обернулись, когда панель с лязгом выскочила из одного паза.

– Ты чего? – вскинулся похожий на офицера. – Услышат… Ты что делаешь, эй?

Девушка, не отвечая, сняла панель и заглянула туда, под холодильник. Сказала тихо, но так, что услышали все:

– Открылся.

– Что?.. Кто открылся? – сыпанули вопросы. – Что там?

– Открылся, – неуместно, возмутительно в такой обстановке, радостно повторила девушка. – Портал снова открылся.

– Какой портал ещё? Чего ты несёшь? – сказал типичный слесарь.

– Этот… временной портал. Там в прошлое возвращаешься.

– О господи, – вздохнула полная тётенька, – как быстро, оказывается, с ума сходят.

И другие закивали сочувствующе.

– Угу, счас Халк прибежит и стену проломит, а Супермен вынесет в безопасность…

– Да я не сошла, – сказала девушка по-прежнему радостно, – у меня так уже было. Правда!

– Может, у кого успокоительное есть? – дрожащим голосом спросила женщина в кроссовках со стразами. – Дайте ей, ещё истерики не хватало.

Полная полезла в сумку:

– Да есть… Феназепам пойдёт?

– А вы на феназепаме?

– А что?

– Да нет, ничего, пойдёт… И мне можно таблеточку?..

– Мне не надо никаких успокоительных, – сказала девушка. – Я правду говорю. Три года назад… три с небольшим… В общем, короче, меня хотел изнасиловать менеджер. Пьяный… У нас был корпоратив… Он напился и полез. Я забежала сюда… Панель зачем-то была снята как раз, я туда сунулась. Ну… в общем, и оказалась на три года раньше, в школе ещё.

Она замолчала. Пятнадцать пар округлившихся глаз уставились на неё.

– Может, вас током ударило, и показалось…

– Да у неё срыв, разве непонятно?

– Нет-нет, правда, – в голосе девушки появилась обида. – Да вот, – нашла повара в шапочке, – Леш, скажи, как я от Михайлова всё время шарахалась. Это менеджер этот… А на корпоратив не пришла. И он с Янкой устроил…

Повар некоторое время таращился тупо и бессмысленно, потом судорожно кивнул и хрипнул:

– Ну да… – Откашлялся. – Да, что-то такое… С Михайловым ты действительно слишком… А тогда не пришла… Точно.

– Потому и не пришла!

– Тихо! Не ори!

– Вот потому и не пришла, – повторила девушка, – что знала.

И снова глаза стали её буравить, ждать от неё чуда. Спасения.

– Погоди-погоди, – быстро заговорил похожий на офицера, – и все три года… Три, ты говоришь?.. Три года жила и помнила, что этот Михайлов к тебе полезет?

– Ну, почти…

– Как – почти?

– Так, как о сне помнила, а жизнь всё время показывала, что я уже в этом жила…

– А зачем тогда сюда устроилась, – спросил повар в шапочке недоумённо, – если знала, что так случится?

– Ну как… Нормальная работа… И я, говорю, знала так… вроде было, а вроде приснилось… Смутно, короче. Михайлова я все время боялась, хотя до последних дней не понимала точно, почему именно. И на корпоратив не стала оставаться – будто что не пускало. И утром только поняла, что правильно не осталась, когда узнала, что он с Янкой сотворил…

– Хм, – усмехнулся похожий на офицера, – какой-то бред… Слушай, ты спецом нам мозги пудришь, чтоб мы другого выхода не искали?.. Ты здесь работаешь – есть отсюда выход какой-нибудь?

Он сам, не дожидаясь ответа, медленно обвёл взглядом комнату. Холодильники, металлические столы… Все стены были покрыты кафелем; отверстия вентиляции такие маленькие, что в них не влезет и пятилетний. Одна дверь – через неё их сюда загнали.

– Ясно, – произнёс с долгим выдохом, – тупик.

– Да я не вру, – сказала девушка уже без всякой радости и оживления, явно понимая, что ей не верят. – Но так было. И сейчас… – она глянула под холодильник, – там свечение синеватое. И оно крутится… вращается так…

Похожий на офицера осторожно, то и дело оглядываясь на дверь, в полуприседе подобрался к холодильнику.

– Угу, мерцает. Датчик какой-то.

– Это он, – шёпотом поправила девушка, – портал. Он меня тогда этим вращением и поманил. И я туда… И… ну, и переместилась.

– Ты серьезно? – вопросительно хмыкнул типичный слесарь.

Похожий на офицера выставил руку:

– Погодите!.. И что – влезаешь туда… Как это произошло, перемещение?

– Ну, я говорила же, – я залезла и оказалась на уроке в школе… как спала, а потом – раз! – проснулась.

– И всё помнила?

– Ну-у…

– Давай без «ну». Если ты нам тут лепишь, то ведь пойдёшь как пособница. Учти!

Девушка смотрела хоть и глуповатыми, но честными глазами.

– И как там, – смягчил он интонацию, – ты жила и видела, что все то же? Все три года жила второй раз?

– Нет, не то что видела, что то же… То есть это было, как это… Как его? Когда чувствуешь, что это уже было раньше с тобой…

– Дежавю! Дежавю! – подсказали несколько человек с таким пылом, словно именно от этого слова зависела их жизнь. Вот продемонстрируют, что знают его, дверь откроется, и их выпустят. Как в квесте.

– Да-да, точно…

– И что, – спросила тётенька с костистым лицом, – получится, если я туда попаду – я и лытки на холодец не ставила? И он сейчас не выкипает стоит?

Девушка дернула плечами:

– Наверное… У меня, кажется, всё повторялось, кроме последнего… Я не пошла на корпоратив, и Михайлов меня не тронул. А остальное, что замечала, то же было.

– И плохое повторялось?

– Да.

– Эт значит, – поморщился парень с пустой сумкой для ноутбука, – я только-только с этой мозгодеркой разбежался, а там опять повторится?

– Не надо женщин обзывать, – сказала моложавая со стразами.

– Хм! Вам можно своего парня скотом, а мне – нет?

– Потому что скот он. Скотина!

– Тише!

Мужчина и женщина замолчали, и стал слышен лепет костистой:

– И я маму совсем недавно вытащила – она хоть на человека походить стала… Опять мучиться? Я не смогу… А она ведь лучше, и даже встаёт сама иногда… Может, встанет, выключит лытки эти неладные… Ох, ведь советовали плиту с таймером купить…

– Вы говорили уже про лытки, – перебил похожий на офицера. – Так… – Он снова заглянул под холодильник.

– Лытки, это что вообще такое? – спросил мужчина в деловом костюме.

– Х-хо! Ты из приезжих, что ли? – удивился типичный слесарь. – Вот это место, – пошлепал себя по голени, – лыткой зовется. Не знал?

– Так! – повторил похожий на офицера громче и внушительней. – Там действительно что-то мерцает. И вроде как вращается. Но перемещение – это бред, это Голливуд какой-то, «Назад в будущее».

– Но ведь Голливуд от чего-то отталкивался, – заметил представительный пожилой человек, и тон у него был тоже представительный, весомый. – И не только Голливуд.

– В плане?

– Что-то есть в природе, что заставляет верить в возможность перемещений во времени. Есть масса примеров. Китайская лощина чёрного бамбука, Голосов овраг в Москве… Недавно и учёные доказали, что оно возможно…

– Так, погодите, – сказал напоминающий офицера, – лекцию послушаем в следующий раз.

– Типун тебе на язык! – задыхаясь, произнесла полная тётенька.

– В другой обстановке, я хотел сказать… Я вот о чём – вы утверждаете, что это возможно. Вот так взять, залезть в эту щель и исчезнуть. И оказаться в прошлом?

– Теоретически, да, – качнул подбородком представительный. – Конечно, машина времени – это, на мой взгляд, всё-таки дело очень далекого будущего – а вот природные скачки вполне возможны… Вот смотрите, нас здесь больше десятка. Мы все напуганы. Так?

– Ещё б.

– Вот. Этот коллективный испуг, а испуг – состояние кратковременное, в отличие от страха, – вполне мог создать такой зазор, некое нарушение времени. И сейчас оно держится на нашем испуге… Мерцает там ещё?

Девушка и похожий на офицера резко глянули в отверстие, чуть не столкнувшись головами.

– Мерцает… Вращается.

– Ну вот. Что там может мерцать и вращаться объективно?

– Может, этот… хлор… азот из шланга, – предположил кто-то сзади.

– Тогда бы запах был.

– Ну да, запах…

Некоторое время все молчали, придумывая каждый порознь, но одновременно, ещё версию, что может синевато мерцать.

– Единственный способ – проверить, – сказал представительный. – Всё, касающееся настоящих открытий, сопровождалось экспериментами на себе.

– Прошу. – Похожий на офицера подвинулся, приглашая представительного лезть под холодильник.

– Я не о себе лично говорю.

– Хм! Ловко.

– Да я и не войду. Узко.

– Нормально. Давай! – Похожего на офицера стало пробивать бешенство; так бывает с теми, кто долго заставляет себя выглядеть сильным и рассудительным посреди хаоса и ужаса. – Лезь, говорю!

– Никуда я не… Я не хочу, и уберите руки. – И представительный вдруг захныкал: – У меня жена умерла два месяца назад… Морг, похороны… Я второй раз не вынесу…

– А на хрена тогда нам тут доказывать!

Типичный слесарь остановил рычание похожего на офицера успокаивающим баском:

– Тишь-тишь… Куда там действительно лезть? Вон мотор в десяти сантиметрах. Не надо с ума сходить.

– Но она же говорит, – плачуще сказала полная, кивнув на девушку в переднике, – что получилось. Переместилась…

– И вы хотите сказать, – словно очнувшись, заговорила женщина со стразами, – что три года… на три года назад? Да?.. Эй, девушка, я вас спрашиваю.

Та была, кажется, уже не рада, что рассказала о своём путешествии.

– Ну да… У меня на три… В этот раз, может, не так будет…

Мужчина с сумкой для ноутбука стукнул кулаком по полу:

– Блин, и всё по новой? Я только развелся, только человеком себя снова почувствовал. Работать стал… Я роман пишу, – добавил как по секрету, – а тут снова. Мы с ней почти два года бодались, такие её истерики перетерпел, и что… Чёрт! – подскочил. – Ноутбук ведь… Что они там с ним сделают? Я ведь писал как раз… люблю утром в таких местах… за столиком… кофе… Страницы две на мыло переслать не успел… Я всегда – напишу кусок, и на почту свою…

– Да всё будет нормально, – сказал типичный слесарь. – Лежит ваш этот ноутбук с нашими телефонами в мешке. Когда кончится – вернут.

Мужчина с сумкой посмотрел на него с сомнением, зато другие облегчённо зашуршали:

– Кончится… Освободят… Вернут…

– Кончится, – выделился голос моложавой со стразами, – и я ему устрою. Так сиганул, аж ветер дунул. А ночью: жизнь за тебя положу, ты для меня всё. С-скотина!

– Понимаете, – осторожно вклинился в её негодование представительный, – в таких случаях нельзя судить слишком строго.

– Да я не слишком. Не слишком! Я просто выставлю его вон из дому – и точка. Ещё и в суд подам. Это знаете как называется – оставление в опасности. За это уголовная статья…

Похожий на офицера, отойдя от своего приступа, усмехнулся:

– А вы не думаете, что сейчас ваш муж…

– Какой он муж! Не смешите. Колокольчик сопливый, которого я чуть за мужчину не приняла. Спасибо, эта ситуация глаза открыла.

– А вы не думаете, – настойчиво продолжал похожий на офицера, – что сейчас он лежит убитый? Как та, за дверью…

– Да он так сиганул – хх-а! – ни одна пуля не догонит.

– Не пожалеть бы вам о вашей иронии.

– Это не ирония. Это так и было. И, уверена, сидит теперь, в Сети гуглит, как мы тут…

– А мои сейчас как?! – вскрикнула молодая женщина в голубых джинсах, до того как-то одеревенело скорчившаяся под металлическим столом, прижав колени к подбородку. – Места ведь не могут найти…

– У всех не могут.

– До всех мне, знаете… Я на десять минут буквально выскочила. Специально позвонила, заказ сделала и побежала получить эту пиццу несчастную… Дети пиццу захотели с утра… Пицца-завтрак… «Пять сыров»… С какао…

Где-то немного ниже, на втором, наверное, этаже, страшно закричали на непонятном языке, а следом несколько раз ударило басовито, с оттягом.

– Эсвэдэ, – сказал похожий на офицера, – или что-то типа.

– А? Что? – дрожащие вопросы.

– Из винтовки бьют. Может, по переговорщикам или группе захвата.

– Го-осподи-и!

И вслед за этими ударами защёлкало, замолотило, затрещало разнообразное оружие. Одиночными выстрелами и очередями. Там, за стенами, изгибами коридоров начался бой.

Люди в подсобке со страхом и надеждой смотрели на дверь, потом одновременно, как по неслышной команде, как будто в каком-нибудь флешмобе, оглянулись на тёмную щель внизу холодильного шкафа. Потом уставились на девушку. Та поняла, зачем на неё смотрят, замотала головой:

– Нет, я не полезу. Не хочу снова… Опять то же самое, а я только…

– Ну, кто-то ведь должен. Ты нам показала, значит, ты должна. Отвечай за слова.

Выстрелы смолкли и крики тоже. Тишина. В подсобке стали успокаиваться.

– Да это идиотство, – сказала женщина со стразами. – Как человек может исчезнуть? Ка-ак?

– Как обычно, – ответил представительный, – как исчезают тысячи людей по всему свету. И некоторые потом возвращаются в другое время.

– РЕН ТВ надо поменьше смотреть.

Некоторые усмехнулись, кивнули, а костистая сказала с такой решительностью, что остальные обернулись на неё:

– А я бы оказалась. Чтоб не думать об этом холодце треклятом. Как он сейчас горит. И мама на кровати задыхается… Дура я, дура набитая! Мама, прости, ты в детстве учила, что нельзя, нельзя на включенной плите ничего оставлять. Даже на пять минут, на минуту. А я…

Людям показалось, что сейчас эта худая пожилая женщина ляжет на живот и извиваясь, как змея, юркнет в щель. И пропадет. Они заглянут туда, а её нет.

Но она продолжала сидеть и причитать.

– Так давайте, – перебил похожий на офицера. – Переместитесь, и ничего не будет.

– Аха, ничего… Там мама в таком состоянии… я её только-только вытащила… И опять три года мучений…

– Сказка про белого бычка.

– Слушайте, – осенило мужчину в деловом костюме, – а может, вы в будущее попадете. Ведь это не обязательно, что на три года назад… Может, вообще во вчерашний день.

– А если нет?

Мужчина вздохнул:

– У меня уже встреча полчаса как идти должна. Очень важная… Главная. А я тут… Не пришёл. Со мной после этого вообще дел больше иметь не станут.

– Да ладно, – попытался успокоить типичный слесарь, – эт уважительная причина – в заложниках оказался… Кстати, – заметил узкоглазого повара, – а ты, кунак, не хочешь попробовать?

– Чего пробовать?

– Ну, залезть туда. Чик, и на улице окажешься, свободным.

Узкоглазый помотал головой:

– Я лучше тут, с вами.

– Да давай. Попытка – не пытка… Давай, говорю! – в голосе типичного послышалась угроза.

– Вам, может, таблетку? – перебила женщина со стразами. – Успокойтесь.

– А чё он?.. Сидим как бараны.

– А что вы предлагаете?

Типичный с силой потёр себя ладонями по вискам.

– А-а… Если б знать… Тошно…

С дальнего от холодильника края сидящих послышался смешок. Жутковатый в такой обстановке. Все стали искать взглядами, кто это.

Хихикавшим оказался совсем молодой щупленький парень в хип-хоповской толстовке… Заметил, что на него обратили внимание, и оправдывающимся тоном сказал:

– Все нормально… Просто… Я два раза пытался себя убить. В психане лежал после этого. Связанным на кровати. Долго. И злился, что спасли. Не орал, конечно, – если орать, тебя там навсегда оставят… Но злился сильно. Не хотел жить. Так вот, глубинно, весь не хотел… А теперь – хочу очень. И так страшно… Опять, как тогда… Рядом… И так страшно. – Парень снова захихикал и крупно затрясся, словно очень сильно замёрз.

– Э, действительно чувствуешь? – Типичный вгляделся в него, что-то понял и медленно, на заду, пополз к холодильнику.

Быстрые шаги по коридору.

Дверь открылась, и в подсобку вошёл человек в кожаной куртке с маленьким автоматом в руке.

На мгновение людям показалось, что это освободитель. Боец группы вроде «Альфы». Некоторые заулыбались, начали приподниматься.

Человек сжал автоматик обеими руками и стал поливать их пулями.

Когда рожок опустел, быстро отстегнул его, вставил новый и добил шевелящихся. Выбежал.

На полу осталось лежать примерно пятнадцать безжизненных тел.

Банальщина

Примерно через полгода после свадьбы Алина заговорила о кошке.

– Тебе со мной скучно? – Матвей не был рад этой идее.

– Ну что ты, любимый! Но представь, как будет хорошо: кошечка мурчит, мягонькая, ласковая.

– Не все они ласковые.

– Она нас полюбит. Мы ведь хорошие. – И показывала Матвею селфи инстаграммных красавиц с длинношерстными, короткошерстными, а то и вовсе лысыми подружками.

Матвей особо не сопротивлялся: оба они были фрилансерами, сутками дома, вдвоём. Тут немудрено друг другу осточертеть, несмотря на любовь. А кошка будет отвлекать, забавлять. Как ребёнок, но вариант помягче.

– Ну давай заведем. Это будет мой подарок на Новый год. О'кей?

Алина бросилась целовать Матвея:

– О'кей, милый!

– Только возиться с ней будешь сама.

– Конечно! Она станет моим питомцем. Питомицей, – уточнила Алина и засмеялась.

Она по-прежнему много времени проводила за письменным столом, но теперь, как отмечал Матвей, заглядывая в экран её ноутбука, в основном не редактировала чужие колонки, а выбирала питомицу.

За едой или после секса делилась находками:

– Смотри, какой персик! Чудесная. Но лучше короткошерстная, да? Чтоб шерсти было поменьше… Вот как тебе эта?.. А эта?..

Матвей пожимал плечами. Ему, в общем-то, было всё равно. Житель мегаполиса в четвёртом поколении, он не имел никакой тяги к животным. Даже в детстве. Пару раз родители водили его в зоопарк, но он больше пугался, чем интересовался и удивлялся всем этим лисам, львам, соболям, павлинам; в контактном зоопарке, который открылся в торгово-развлекательном центре рядом с их домом, когда ему было лет двенадцать, Матвей не погладил даже кролика. Матвею нравились игрушки в компьютере и телефоне.

– Ну вот симпатичная, – вымученно изображал он увлеченность, – и эта ничего… Но какие-то они все взрослые.

– Им почти по три месяца. Раньше заводчики не продают. Нужно все прививки сделать, ещё разное… – Алина красиво помахивала рукой.

– Три месяца, это, слушай, уже сформировавшаяся кошка.

– Да ладно! Маленькие ещё, плюшевые.

После недели изучений разных сайтов и каталогов Алина выбрала пятнистую кошку породы оцикет.

– Вот эта, Васса. Она моя, я чувствую. Смотри, какой гордый взгляд. Принцесса настоящая!

Матвей снова пожал плечами: как хочешь.

– Ура! Заводчица просит перевести ей пять тысяч – аванс.

– А вообще сколько она?

– Двадцать пять. Плюс корм, к которому привыкла, витамины…

Матвей с трудом проглотил возникший в горле ком горькой слюны.

– Хорошо.

Заехала навестить тёща. Алина показала фото кошечки ей.

– Подарок на Новый год. От Матвея.

– Зачем вам это надо? Скучно жить стало?

Тёща Матвею нравилась – реалистка без романтических закидонов.

Но ни слова своей матери, ни Матвеевой, ни бабушки не убедили Алину не заводить кошку. Впрочем, и аргументов весомых они не приводили.

Алина сводила Матвея в зоосалон. Купили розовый лоток, чесалку, кормушку, поилку, когтеточку, двухэтажный домик, мышку и рыбку на резинках, шлейку, чтобы гулять весной на улице. Все самое лучшее и дорогое.

Дней через десять после Нового года заводчица привезла Вассу.

– Высоко живёте. Двадцать четвертый этаж. Не страшно? Вот, принимайте.

Из сетчатого окошка переноски на Алину и Матвея глядели два круглых недобрых глаза.

– Вассочка, Вассочка, это мы-ы, – засюсюкала Алина, – твои новые хозяева и друзья.

– Странное имя для кошки, – заметил Матвей.

– Я всем своим подобные даю. Они и сами серьёзней от имен становятся – дворянестей… Этот помет у Инессы третий, и все детки на «в»: Васса, Виллиса, Василиса, Велес. Так, – заводчица спохватилась, – к делу. Мне ещё Витуса отвозить…

Помимо кошки у неё был с собой мешок сухого корма, несколько паучей, витамины, наполнитель для лотка и горстка использованного в полиэтиленовом пакетике.

– В новый насыпьте, чтоб поняла, куда ей свои дела делать.

Матвей тут же это исполнил. Поставил лоток рядом с унитазом.

– Вот сюда, Вассочка, – сказала заводчица, – сюда, поняла?

Кошка обнюхала лоток и, вроде кивнув, пошла на кухню.

Заводчица дала несколько советов по уходу, погладила воспитанницу и даже слегка всплакнула, забрала деньги и ушла.

– Ведь прелесть же, а? – тиская полосатую Вассу, безвольную от неожиданной перемены в жизни, говорила Алина. – Скажи!

– Симпатичная.

Минут сорок она не выпускала кошку из рук, позируя с ней так и этак. Матвей давил на белый кругляшок на дисплее айфона.

В конце концов жена спустила Вассу на пол:

– Отдохни, красавица. – И стала постить лучшие фотки в «Инстаграм», «Фейсбук», «Твиттер», «ВКонтакте»; Матвей пошёл в комнату работать.

Только увлёкся переводом с айтишного языка на русский статьи про новую компьютерную программу – на кухне раздался визг.

«Поцарапала!» – Матвей вскочил.

Алина застыла с перекошенным от ужаса лицом. Кошка возле двери на лоджию деловито скребла ламинат.

– Что случилось?

– Она… Она написала. Взяла и написала.

Матвей выдохнул.

– Ну и что?

– Мы же ей показали куда… Почему она так? – в голосе Алины зажурчали слёзы.

– О господи… Привыкнет.

Алина посмотрела на Матвея растерянно; её двадцатитрёхлетнее личико сделалось совсем детским. Матвею представилась Катя Самбука, и он передёрнул плечами от неожиданного отвращения и возбуждения.

– Вытри, пожалуйста, – попросила Алина.

– Хм! Кажется, ты обещала за ней все делать.

– Ну я не могу сейчас. Мне надо привыкнуть.

Продолжая хмыкать, Матвей нарвал бумажных полотенец, впитал в них желтоватую лужицу, потом протёр ламинат влажными салфетками. Взял в руки Вассу.

– Только не бей её, пожалуйста, – испуганно попросила жена.

– Ты за кого меня принимаешь?

– Извини…

Отнес её в туалет и посадил в лоток.

– Вот сюда надо ходить. Сюда, ясно?

Кошка, брезгливо поднимая лапы, выбралась на пол.

– Может, ей не нравится, что там использованный наполнитель есть? – предположила Алина.

– Может… Но не после же каждого пописа его меняют.

– Ну да, наверное…

С того дня кончилась для них спокойная жизнь. Права была тёща. Васса лоток не признавала напрочь. Выбрала место и ходила туда. Раза по четыре в сутки по-маленькому и утром и вечером по-большому.

– Надо поставить что-нибудь, – сказала Алина на третий день. – Вассочка увидит, что её место занято, и пойдет на лоток.

– А если туда лоток поставить? И постепенно его двигать к туалету?

– Точно! Ты гениальный мужчина. – Алина обняла Матвея и поцеловала его; позже ему вспоминалось, что это был последний искренний, по-настоящему страстный поцелуй.

Лоток не помог – кошка стала гадить в прихожей.

– О, это ближе к туалету! – обрадовался было Матвей и, морщась и содрогаясь от брезгливости, убрав какашки, поставил на это место лоток.

На другое утро Васса сходила в комнате.

Матвей с Алиной ещё спали, когда послышался уже знакомый им скрёб по ламинату. Энергичный, быстрый. Во сне Матвею представилось, что это умелый мастеровой шпатлюет стену их квартиры. Они делают ремонт, наняли рабочих, отличных, профессиональных, и вот кипит работа…

Матвей открыл глаза. Правой передней лапой Васса энергично засыпала несуществующим песком вполне реальные колбаски.

– Да что ж это! – закричал Матвей.

Кошка оглянулась на него и не стала убегать. Смотрела зло и серьезно, словно говоря: я буду испражняться там, где считаю нужным.

Этот взгляд Матвея взбесил. Соскочив с кровати, он схватил Вассу за загривок.

– Сколько можно? Ты офигела вообще!..

Васса зашипела как-то по-змеиному, извернулась и вцепилась зубами Матвею в запястье. Он рефлекторно ударил её свободной рукой в голову.

– Перестань её бить! – закричала Алина.

– Да я её!..

– Отпусти быстро! Отпустил, сказала!

Матвей швырнул Вассу в прихожую.

– Ты живодёр, я тебя боюсь.

Матвей устало сел в кресло. Сказал глухо:

– Иди лучше говно убери.

– Сам убери!

– Твоя кошка.

– Она даже ко мне не подходит. Спит где-то под диваном. Теперь понимаю – ты её запугал.

– Я её пальцем не трогал.

– Аха, видела. И это при мне. А без меня вообще её лупишь.

– Я, – повторил Матвей, четко отделяя каждое слово, – её не трогал.

Какашки наполняли комнату своим запахом. Алина лежала в кровати, натянув одеяло на нос, без всякой нежности смотрела на Матвея.

Матвей сходил в туалет, нарвал бумажных полотенец. Убрал твердые, ещё теплые колбаски, протер ламинат влажными салфетками.

Умылся. Проходя на кухню, покосился на розовый, с ровным слоем наполнителя лоток.

Только стал варить кофе, появилась Васса.

– Мя!

Обнюхала свою миску для паучей и повторила нагло и требовательно:

– Мя!

Матвею захотелось выругаться. Вообще-то материться он не любил, да и не имел привычки, но тут прямо затрясло. Пересилил себя, поднял миску – кошка тут же легла на её место, такой у неё был обряд, – помыл, выдавил в неё содержимое пакетика Brit. Поставил миску в микроволновку, включил на десять секунд и спросил:

– Ты когда будешь в лоток ходить?

Васса сурово и смело смотрела на него. Взгляд говорил: вот вырасту, ты у меня получишь, отомщу.

Звенькнули часы микроволновки, Матвей вынул миску. Потрогал пальцем кошачью еду. Горячевата. А Васса поднялась, задрала хвост и ждала.

– Мя! – не выдержала. – Мя-а!

– Сейчас остынет…

Вспомнил про турку на плите. Метнулся, и как раз вовремя – кофе поднималось коричневой шапкой. Успел.

– Мя-а!

– Что я тебе, слуга, что ли? – прыгающим голосом сказал Матвей и закричал: – Алина, корми свою кошку!

– Накормлю, когда встану! – злой, совсем чужой крик в ответ.

– Она тут мякает!

– Ну так накорми – не надсадишься!..

Их семейная жизнь давала трещинки. Мелкие, но частые. Потрескивала с каждым походом Вассы не в лоток. А лоток она попросту не замечала. Замечала, изучала, обнюхивала всё, кроме лотка.

– Вы скажите, – на грани истерики требовала Алина по телефону у заводчицы, – вы сами – сами! – видели, что Васса ходила в лоток?.. Вы – видели?.. – Некоторое время слушала, теребя вышитую бабочку на домашнем худи, потом резко оборвала стрекочущую из трубки скороговорку: – Вы, получается, нас обманули. Да, обманули. Сказали, что Васса приучена, а на самом деле это не так. И всё, до свидания! – Бросила телефон на тахту, повернулась к сидящему в кресле Матвею: – Говорит, типа у кошки стресс, нужно подождать. У меня тоже стрессы, но я не ссу где попало… Помнишь, какая от неё вонь была?

Матвей хотел уточнить, от кого, но не стал, чтоб лишний раз не раздражать жену. Наверняка от заводчицы. Кивнул.

– Ну вот. У них там в одном помещении тридцать кошек – разве проследишь, кто куда ходит.

На кухне послышалось знакомое царапанье, и Матвей бросился на него, надеясь опередить кошку. Сначала Васса как будто разгребала ламинат, а потом присаживалась… Схватил за шкирку, понёс к лотку. Опустил на наполнитель. Но из той уже всё вылилось по дороге.

– Да сколько можно!..

Алина сходила в зоосалон и принесла две пластиковые бутылочки. В одной был спрей для приучения котёнка к лотку, в другой – корректирующий его поведение, отпугивающий. Первый пшикнули, естественно, на наполнитель, второй распылили по полу квартиры.

Не помогло – лоток был по-прежнему чист, а на ламинате возникали желтые лужи и коричневые то колбаски, то лепешки…

Васса осваивалась. Стала прыгать на подоконник – это было переносимо, так как цветов они не держали, – на письменные столы, на кухонный, роняя салфетницу, соль. Потом нашла себе карусель: забиралась на шторы и качалась, оставляя на ткани борозды-стрелки… Алина истошно кричала, Матвей хватал кошку за шкирку, и тогда Алина переключалась на него:

– Не трогай Вассочку!

Матвею стали сниться кошмары. Вернее, один и тот же: он идёт в сумерках по лесу. Деревья толстые-толстые, но мёртвые, ветви скрипят, что-то укает, машут большими крыльями невидимые птицы. И тут начинается скрёб, режущий уши, раздирающий души… Иногда скрёб во сне совпадал со скрёбом, который производила Васса наяву.

Работоспособность Матвея упала. Он не мог сосредоточиться, чувствовал непроходящую усталость, желание отвлечься, развеяться. Впервые года за два посмотрел ролики Кати Самбуки.

До близости с Алиной он мало общался с девушками, предпочитая порносайты. Самой любимой моделью была эта самая Катя Самбука. Может, потому, что она занималась не совсем порнухой, но её ролики были круче и горячее, чем секс одной девушки с дюжиной негров…

Катя Самбука выходила на сцену совершенно голой и танцевала, дразня стоящих внизу, почти дотягивающих до неё руки сотен парней. Иногда танцевала с фаллоимитатором, который без усилий вставляла себе между ног; иногда вместе с другими девушками, которые гладили и целовали её…

Это было как аниме, Катя Самбука казалась не совсем настоящей – слишком хорошая у неё была фигура, и личико тоже, и грудь, да и та простота, с какой она показывала всю себя, втыкала в промежность блестящую дубинку, кукольно улыбалась, раздавала воздушные поцелуи, напоминала мультик. Но при этом она была живой, из костей, мяса, кожи, и её очень хотелось. Возникала уверенность, окажись вместе с такой девушкой, и жизнь твоя станет лёгкой, простой, счастливой. Начиная с секса и заканчивая деньгами. Или наоборот.

Алина не была похожа на Катю Самбуку. Впрочем, типаж одинаковый: этакие живые куколки. Миниатюрные, нежные, чистенькие, с хлопающими глазками. И вот выяснилось, что Алина другая. Она может быть злой, способна орать, приказывать… Она попросила эту чёртову кошку, обещая ухаживать за ней, а сама свалила на него, Матвея.

И Матвей снова стал крутить ролики с голой куколкой-блондинкой, такой доступной, но недосягаемой, идеальной, радующейся толпе, тянущей к ней руки самцов… Теперь Матвей, казалось, понимал, почему многие мужчины фанатеют от Мэрилин Монро, Анджелины Джоли, Саши Грей, Анны Семенович, Кати Самбуки – им отвратительна та реальность, в какой они пребывают. Квартиры, жёны, кошки…

Половая жизнь у Матвея и Алины расстроилась. Она не горела желанием, и он тоже. Вечером ложились в кровать будто выжатыми, избитыми и засыпали, прислушиваясь к шорохам.

Постепенно Матвею стало интереснее с Катей Самбукой, чем с женой. Он стал искать возможность оставаться с Самбукой наедине. Испугался этого, попытался приласкать Алину. Та поначалу прильнула, а потом отстранилась:

– Не могу.

– Почему?

– Ты стал какой-то другой.

Нежность мгновенно сменилась в Матвее на раздражение. И он усмехнулся:

– И ты тоже!

– Да? В чём же, интересно, я стала другой?

Произошла ссора. Алина оделась и ушла.

Матвей думал, что она поехала к родителям, надеялся, что все им расскажет. Соберутся, обсудят, он внятно и понятно расскажет про кошку, про то, что Алина не убирает её дерьмо, хотя обещала, и тёща наверняка встанет на его сторону. И проблема как-нибудь разрешится.

Но Алина ездила не к маме с папой. Вернувшись, сказала:

– Я была у своего психиатра.

– Что? – Матвей от неожиданности не осознал смысл фразы. Или не захотел.

– Я была у своего психиатра, – стальным, но на грани визга голосом повторила жена. – И он выписал мне направление в больницу. Завтра утром я ложусь.

– Куда? В психушку?

– Называй это психушкой, если тебе доставляет удовольствие.

– Погоди, ты серьезно?

Алина смотрела на него взглядом Вассы – суровым и смелым.

– Я рассказывала тебе, что у меня подвижная психика.

– Одно дело подвижная, а другое – в больницу.

– Иногда лечение необходимо. И не только мне, кстати. – И спросила слегка потеплевшим голосом: – Ты меня проводишь?

Матвей дернул плечами: куда деваться…

Он сидел на кухне, а она укладывала вещи в сумку. Как-то слишком энергично, почти радостно, словно ехала не в больницу, а на море. Матвею хотелось нажраться. Он иногда выпивал, но так, по-детски – бутылочку-другую пивасика. Сейчас же организм требовал пузыря водки. Влить и отрубиться. Ничего не чувствовать, не понимать. А утром умирать с похмелья. Это лучше, чем идти и искать кошачьи лужи и колбаски, потом везти жену в психушку…

Пересилил себя, не побежал в магазин «Красное и белое». Пообещал себе: завтра.

Его разбудил уже привычный скрёб по ламинату. И если раньше Матвей срывался на выворачивающий нутро звук, то теперь, в последние дни, он поднимался медленно, надевал треники, совал ноги в шлёпки. Покорно устранял следы кошачьей жизнедеятельности…

Айфон Алины запиликал в восемь утра. Она быстро умылась, оделась и, с изумлением посмотрев на мужа, будто только теперь обнаружив его присутствие в квартире, сказала:

– Собирайся, пожалуйста, через пять минут такси подъедет.

Психбольница находилась на окраине города, в сосновом бору. Несколько кирпичных зданий за забором из металлических прутьев.

Алина уверенно шагала к ближайшей от ворот одноэтажке, каблуки сапожек стукали о почищенные от снега бетонные плиты. Матвей тащил большую синюю сумку. Жизнь с каждым метром движения по этой территории рушилась всё сильнее. Обвал, град из осколков…

Внутри одноэтажки оказалась регистратура или приемный покой – в общем, там оформляли больных; Алина заглянула в кабинет с открытой дверью и протянула бумажку.

– А, да, – услышал Матвей приветливый, как старой знакомой, голос, – придется подождать, Алина Витальевна, сейчас тут с одним персонажем разберемся… Посидите в коридоре.

Матвей присел первым на мягкую скамейку. Оглядывался, слух работал напряжённо. В конце коридора шипел душ, и мужской тенорок, веселый и как бы насмешливый, повторял:

– Голову мыль получше. Голову… Мыль голову, не жалей. У нас – чистота.

Потом провели крупного, но с лицом пупса, подростка.

– Вот сюда, – велел высокий, плечистый дядя в белом халате, и они скрылись в кабинете напротив того, куда заглядывала Алина.

Через полминуты в кабинете раздался нечеловеческий крик. Пупс выскочил в коридор с закатанным рукавом на левой руке. Побежал, продолжая кричать. Дядя догнал, мгновенно скрутил. Увёл обратно.

Матвей глянул на жену. Она сидела спокойно, с прямой спиной, смотрела в стену.

– Ты здесь была уже? – спросил.

– Да, немного.

Ответ был сухой и равнодушный.

– В каком смысле – немного?

– Полежала две недели. В одиннадцатом классе. Перед егэ… Очень волновалась…

Из конца коридора вышел хмурый человек с мокрыми волосами, в руке держал старомодный портфель. Его сопровождал другой, но такой же немолодой, высокий и широкоплечий дядя в халате. Глянул на Матвея и Алину, спросил весело:

– Вы тож к нам?

– Да, – ответила Алина.

– Обои?

– Нет, только я.

– Ну, погодите десять минут. Определим товарища…

Они вошли в кабинет.

Матвей молчал. Происходящее было нереальным, и слова, вопросы, казалось, могут окончательно реальность убить, раздавить, и его тоже придётся волочь, крутить, лечить…

Алину, слава богу, не заставили мыться в душе в конце коридора, оформили довольно быстро. В сопровождении веселого дяди-санитара они пошли в соседнее здание. Алина шагала быстро, дядя и Матвей даже приотстали.

– Ты, – учил Матвея санитар, – десять минут погоди, а потом поднимись на третий этаж. И передашь вещи. Скажи, такой-то такой-то. Ей не положено ничего иметь…

– Если не положено, зачем передавать? – раздражённо ухмыльнулся Матвей; захотелось поспорить.

– Ну а как она без телефона, кремов своих всяких, ещё чего там…

– Ясно. Вернее, абсурд полнейший.

– Почему абсурд? – в голосе дяди вместо насмешки появилась обида.

– Нельзя с собой, а передать, значит, можно.

– Ну, порядок такой…

На прощанье Алина коснулась губами щеки Матвея и попросила:

– Только Вассочку не бей, пожалуйста.

– Да не собираюсь я её бить!

– Обещаешь?

– Обещаю.

Теперь Алина поцеловала его крепче, но по-прежнему в щеку. И исчезла за тяжелой стальной дверью с глазком.

Матвей спустился вниз. Постоял на крыльце, вдыхая чистый, морозный воздух. Рядом гудело сотнями машин Объездное шоссе, а здесь было свежо, как в лесу… Матвей достал телефон, нашёл номер Кирилла. Ещё вчера вечером он решил, что нажрётся вместе с ним.

– Привет. Узнал? Это Матвей… Ну, блин, однокурсник твой… Давай выпьем, как на первом курсе… Случилось… Предлагаю в «Бункере» через час. Там и расскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.